

Учение преподобного Феодора Студита о почитании Креста Господня и Святых Икон

Введение

Нередко упоминалось, – как в Писаниях о Иоанна Кронштадтского, так и в докладе Архиеп. Никона, а равно в Послании Св.Синода (в выдержке из о. Иоанна о силе имени параллельно с силою креста), – между почитанием Креста и Св. Икон устанавливалась аналогия с подобным же почитанием и Имени Божия (в Послании об этом прямо не говорится). Нам также представляется возможным такое сравнение. И потому мы взяли труд проштудировать творения Преп. Феодора Студита об этом вопросе: как и почему почитаются Крест и Святыя иконы?

И у него мы нашли обильный материал для этого, – преимущественно с догматической точки зрения, а равно и с богословской (религиозно-философской), а также и с психологической. Немало у него материала и отеческого, исторического. Но мы преимущественно будем останавливаться на первых двух; так как это может дать нам больше оснований для параллели между имеславием и иконопочитанием. И в самом деле. Икона – не Бог: но почитание ей воздается богоподобное. И именуется она тем именем, изображение Кого носит: икона Христа именуется Христом и пр... Между иконою и Изображенным есть связь: «одно пребывает в другом»; – как часто говорит Св. Феодор словами Св. Дионисия Ареопагита. Иконы являются «отображением» Первообразов (припомним такое же сравнение Архиеп. Никона). И ставится вопрос: нельзя ли провести параллель между обоими почитаниями: икон и имени?

А при этом затрагивается вопрос и непосредственно о почитании самого имени и имен, написанных на иконах Бога, Богородицы и Святых, – о чем есть суждение у Св. Феодора. Есть даже и прямые касания к вопросу об имеславии – хотя весьма мало; ибо вопрос тогда шел не об «отвлеченном» почитании Бога в «словах» и «именах»: это именно как раз тогда и допускалось и признавалось иконоборцами, как возвышенное, достойное Невидимого Бога, как «духовное». Тогда вопрос был более конкретный: о поклонении Богу в видимых вещах, в иконах, крестах и проч.; что иконоборцам казалось «унизительным» для Бога. Потому и у Феодора Студита мало материала о первом почитании, и много – о втором.

Добавлю еще. Когда читаешь о догматических спорах прежних веков, то дивишься: как все же тонки были различия в богословствованиях между православными и еретическими! А иногда даже сами православные расходились между собою в формулах! Приведу два-три примера.

Ведь, трудно даже и представить теперь, как это два собора архиереев

(754 г. при Императоре Константине Копрониме, и 815 г. при Льве Армянине) оказались еретическими, иконоборческими... Выбраны были и патриархи такие... Нечего уже говорить о светских людях!

Теперь возьмем пример об разногласиях самих православных.

Патриарх Никифор, признанный впоследствии Церковью святым, выразился о Св. Феодоре осудительно:

– «Пользуясь смиренным письмом нашим, – пишет ему Пр. Феодор, – как бы некоторой завесой, из благоговения к ангелу Блаженства твоего, мы, смиренные являемся пред святейшею главою твоею по необходимости. Ибо Иоанн, сослужитель и ученик наш, известил уже нас, что он, удостоившись почтеннейше поклониться тебе, слышал от твоего Блаженства нечто странное и невыносимое. – «Вы, – сказало твое блаженство, – отщепенцы от ЦЕРКВИ». – Блаженнейший! Какой скорби справедливо должна была предаться душа наша при этих словах?! Как не высказать оправдания пред твоею святостью, чтобы молчанием не подтвердить обвинения?!»... Далее он излагает свои мысли; и заявляет: – «Мы не отщепенцы, святая глава, от Церкви Божией; да не случится этого с нами никогда! Хотя мы и повинны во многих других грехах; однако, МЫ – ПРАВОСЛАВНЫ и питомцы кафолической Церкви, отвергающие всякую ересь и принимающие все признанные вселенские и поместные соборы, равно как и изреченные ими канонические постановления. Ибо не вполне, а наполовину православен тот, кто полагает, что содержит правую веру, но не руководствуется Божественными правилами. И твое Блаженство, когда ты был возведен, мы приняли, как и исповедали это открыто пред тобою. И с того времени и донныне мы, как подобает, поминаем твое Блаженство при священнодействии... Ты любезен нам с самого начала»¹.

Другое разногласие – с приятелем, ученым Иоанном Грамматиком:

– «Твоя мудрость, получив некогда мое письмо о том же предмете («о досточтимых иконах»), усумнилась, как будто оно содержит неясное учение или даже отклоняет слушателя от истины... Если бы высказавший порицание был из простолюдинов, то я не скоро тронулся бы, умея переносить и стрелы зависти, и порицания невежд. Но так как упрек сделан другом и другом мудрейшим, то я признал необходимым представить самое письмо (написанное Афанасию, – 85-е) и послать к твоей благосклонности по возможности составленное объяснение, которое бы или разрешило недоумение, или было исправлено твоей сообразительностью. Ибо осуждающему должно высказывать и собственное мнение относительно того положения, которое вызывает

упрек». – Далее приводится инкриминируемое письмо святого к Афанасию в подлиннике, точно, то есть. А затем следует богословское рассуждение, ссылка на Святых отцев и на два собора². Получив потом от Грамматика ответ, Преподобный Отец пишет: – «Исповедую благодарность Святому Богу, что я, хотя и поздно, услышал любезный глас твой... Недавно присланное письмо твое я нашел согласным, а не противоречащим прежним письмам моим». Далее следует повторение мыслей Грамматика и одобрение их Феодором³.

Было разногласие и с некоей «Фомаидой девственницей», то есть, вероятно, монахиней. – «С удовольствием получил я предложение твоего почтенства, высказанное живым голосом высокопочтенного господина, главного врача, как родственного и боголюбивого. Я не отказываюсь иногда поучиться и от женщины тому, что неизвестно мне. Но не думаю, чтобы я не знал поклонения досточтимым иконам, как ему следует быть»... Затем он разъясняет свое воззрение и заканчивает: – «Прочь нечестивое суждение (о богочитании твари)! Тебя же да сохранит Благий Бог непоколебимую и невредимую в православной вере и в благочестивой жизни, которую ты избрала по обету девства, для благоугождения Господу»⁴.

И когда мы перейдем к раскрытию самого учения, мы увидим, как иногда расходились и православные, даже архиереи. И это не удивительно, ибо богословские вопросы совсем не такие простые, как теперь кажется нам, после утверждения их соборами и по многотысячелетней простой вере в усвоенные догматы. И нечего удивляться, что и в имеславских спорах люди, только православия искавшие, оказывались будто в двух лагерях. Преподобный Феодор Студит тоже знал эти опасности и трудности богословия и нередко предупреждал о них своих друзей. Коснемся здесь этих его воззрений на способы доказательства истин догматических. Иногда он говорит, что доказательства так просты и убедительны для всякого, имеющего разум; а по большей части он считает богословствования делом ответственным и не всякому посильным.

В послании «к иконоборческому собору» 815 года, после доказательств об описуемости Воплотившегося Господа Иисуса Христа и ссылок на Св. Василия Великого о почитании изображений и креста, Преподобный говорит, что так нужно думать и «всякому здравомыслящему. Впрочем, теперь не время для догматического изложения, которое ЛЕГКО может УБЕДИТЬ и весьма слабоумного признать свет истины... Такова евангельская вера нас грешных; таково апостольское исповедание нас смиренных; таково преданное от отцов

богопочтение нас низжайших». А иного учения он не может принять, «как не согласующегося с здравым учением веры», – хотя бы и Петр и Павел, и сам «пришедший с небес» ангел – «говорил о невозможном» – провозвещал иное⁵... Так он пишет к «собору», где собрались все люди ученые, которые, казалось бы, должны подчиняться одним и тем же законам логики и потому легко – убеждаться в истине.

Хвалит и некоего Фаддея, свое духовное «чадо и исповедника» за иконопочитание, который при всей своей простоте и неучености совершенно правильно веровал и исповедывал – иконопочитание: – «Как хороши твои письма, чадо мое, возлюбленный Фаддей! Чем же? Тем, что в них – и смирение, и искренняя вера и теплая любовь, и, – что удивительно, – безошибочное знание, ибо твой ум, чадо, действительно усвоил истинное учение об иконе Христовой. Держись того, как ты действовал доселе и как просветил тебя ХРИСТОС». Далее повторяет и одобряет его взгляды и снова хвалит его: – «И блажен ты, что познал истину, которую Бог скрыл от премудрых века сего, или, правильнее сказать, – безумцев, и открыл ее младенцам, то есть подобно тебе – незлобивым... Я радуюсь твоему рвению, что ты, будучи в темнице, с ревностью продолжаешь свое дело. А мы не удостоились подвергнуться чемунибудь за Христа»⁶.

И вообще он – против разделения в деле православия и исповедания его на «ученых» и «простых». В письме «к Никите монаху» Преподобный пишет так:

– «Присланную к нам от вашего преподобия, чрез боголюбезнейшего митрополита, книгу (кого-то третьяго) мы прочитали. Написавший ее неправо мыслит относительно догмата о досточтимых иконах». Далее приводит выписку из нея, где говорится так: – «Неизреченное и непостижимое человеколюбие Божие к нам и священные подвиги святых мы представляем прославленными в священных письменах, совершенно не услаждаясь с своей стороны никаким изображением или живописью; но позволяем простейшим, как несовершеннейшим, поучаться тому посредством сродного для них руководства и подходящего для них созерцания, в виде предуготовления». – Что сказать на это? Во-первых, то, что он производит разделение единой, совершенной и не допускающей никакого прибавления или уменьшения веры нашей: себе самому присвоив изображение (событий) посредством священных писем, а простейшим и несовершеннолетним предоставляя созерцание их в скульптуре и живописи. Потом, он себе приписывает совершенство благодати, а им оставляет иудейскую юность, как нуждающимся в сродном руководстве... Для чего это пустое разделение на две неравные части, будто «язык свят,

царское священство» (1Пет.2:9) разделяется, и одни составляют совершеннейшую часть, а другие – низшую? Затем, так как всякий здравомыслящий стремится к совершенству, то он будет считать несовершенное достойным порицания; а отсюда необходимо следует, что учение посредством изображений излишне». – Далее Св. Феодор ставит написавшего книгу в противоречие с Св. Василием В., и заканчивает: – «Таким образом доблестный (ирония) муж противоречит священным изречениям,... и, думая исправить другого относительно этого догмата, оказывается сам пустословящим. Поэтому мы совершенно отвергаем такое пустословие. Напоминаем и вашей ревности следовать тому же правилу православия, зная, что и всякий совершенный, хотя бы он был облечен апостольским достоинством (саном епископа), имеет нужду, как в евангельском свитке, так и в начертанном согласно с ним изображении; ибо то и другое достойно одинакового почитания и поклонения»⁷... Вот, заметим лишь пока, видим уравнивание в «поклонении», как евангелия, словес Божиих, так и икон: «одинаково».

И потому Преподобный требует, чтобы и простые ученики, а не только ученые, защищали православие: – «В настоящее время, – пишет он – «К монашествующим», – когда Христос преследуется через Его икону, не только тот, кто имеет преимущество по званию и сведениям, должен подвизаться, беседуя и наставляя в православном учении, но и занимающий место ученика обязан смело говорить истину и свободно отверзать уста. Эти слова – не меня грешного, но Божественного Златоуста, затем и других Отцов. То же, что господа игумены, задержанные императором, не сделали вышесказанного... но еще дали собственноручную подписку, что они не будут ни сходиться друг с другом, ни учить, – это – измена истине и отречение от предстоятельства, и погубление подчиненных, кроме того – и равностепенных». Далее следует ссылка на Апостолов, которые, быв призваны в синедрион и выслушав повеление не проповедывать об Иисусе, сказали: – не можем; «повиноватися подобает Богу паче, нежели человеком» (Деян.4:19, 5:29). Почему мы предпочитаем монастыри Богу и получаемое от того благополучие страданию за благое?.. Эти же господа игумены, как рассказывают, говорят: – «Кто мы такие?» – Во-первых, – христиане, – отвечает им Святой, – которые теперь должны непременно говорить; потом – монашествующие, которым не следует ничем увлекаться, как непривязанным к миру и независимым; далее – игумены, которые отклоняют соблазны и от других»... А они?! Какое «унижение!»: «ибо если молчание есть отчасти согласие, то утверждение этого согласия подписью

пред целою Церковью как позорно!» – И далее: – «Еще вы (то есть монашествующие, к коим адресовано письмо) говорите, что Никифор (тут Преподобный не называет его даже именем Патриарха), священнодействуя в скрытом месте (он в это время был уже насильственно низложен с кафедры Имп. Львом Армянином), тайно поминает святых, – и все патриции, не говоря о других, остаются православными». – Но и это не успокаивает Святого Отца: ему нужно открытое исповедничество, чего требует Христос в Евангелии. – Написав письмо, Пр. Феодор говорит: – «Вы постановили, чтобы я высказался, что представляется мне; то я и объявил пред свидетелем Богом, взяв слово – хранить это, как тайну, из опасения искушений»⁸.

А другому, оставшемуся без всяких наказаний, игумену Евстратию, пишет так: – «Обрадовался я, получив почтенное письмо твое, любезнейший из Отцев, и узнав, что дела твоего преподобия идут и так и сяк; ибо, по известиям от других, впрочем, людей достоверных, я скорбел, услышав о лицемерной подписке... Я не могу найти причины, почему ты, быв задержан царским чиновником, остался без мучений, т.е. отпущен. Это служит поводом к молве. Известно, что никто из говоривших смело, не остался без заключения в темницу или, по крайней мере, без ссылки и изгнания... Не говори мне, что таким образом были сохранены собственные церкви и остались неповрежденными изображения, равно как и поминание святейшего нашего Патриарха. Это любят говорить и другие увлеченные. Все это не могло быть спасено иначе, как изменою истинного защищения. Что за польза, если мы сами, сделавшиеся и называющиеся храмом Божиим, стали непотребными, а бездушные дома постарались сохранить? Икона Христова или Богородицы, или другого святого не падает, – она пребывает в них, как первообразах: но падают те, кто думают уничтожить ее... Я сказал это по любви и для напоминания, чтобы мы удостоились принимать епитимию. Лучше придти со смирением и исцелять немощное, нежели оправданием навлекать на себя большую виновность»⁹.

Таким образом, Преподобный отстаивает за всеми право и долг защищать православие. Да и как иначе? Тогда уже фактически томились в ссылках не только одни архиереи. В письме к Папе Римскому Пасхалию он говорит: – «Конечно, уже известно верховному Блаженству вашему случившееся с нашей Церковью по грехам нашим... Свирепые волки вторглись во двор Господень:... задержание Патриаршей главы, изгнания и ссылки архиереев и иереев, монахов и монахинь, оковы и железные узы, мучения и наконец – смерти»¹⁰.

Между прочим, можно упомянуть, что Преп. Феодор католиками, не без основания, считается защитником верховенства Папы в делах Церкви. И действительно, у него можно найти достаточно для этого материала. Но тогда папы еще не порывали с Церковью. А кроме того в то время восточные искали защиты у него от ереси... Но все же Святой и образование почитает. Впрочем, – не всякое. Он различает образование «истинное» и «беснующееся». Если продолжить его мысль, то можно различать благодатно-ученое просвещение от бесовско-надменной умственности, которая может затемнить всякую образованность. К «Григорию консулу» Св. Феодор пишет:

– «Ты пишешь хорошо, как показывает самое письмо. В нем мы восхвалили не только ученость твою, но и любознательность, желающую получить высшее образование (вероятно, «познание» М.В.)... Прекрасно образование, господин, доколе оно содействует истинному образованию, а не беснуется, делая невежественными причастников его»¹¹.

А однажды, в письме к «Севериану сыну», он упрекает за невежество его в догматических вопросах: – «У тебя нет и такого познания догматической науки, чтобы уметь говорить с точностью, как у не занимавшегося ни грамматикой, ни философией... Почему же, спрашиваю, тебе вздумалось сказать: разве не относительно поклоняются иконе Христовой? Знаешь ли ты, что такое отношение (схесис)»¹²?

Перейдем теперь к более важному пункту: к а к же следует богословствовать? Какими путями доказывать истину? – Это важно во все времена. И ныне...

Преподобный Студит призывает, прежде всего, к крайней осторожности в этом деле. Причиной этого служит и важность предмета: православная вера, истинное учение о Боге. Далее: трудность точных формулировок при недостаточном богословском образовании и тонкости ума. Еще важнее, – потому, что догматические истины не поддаются вполне логическим доказательствам и определениям, по природе своей будучи тайнами мира сверхразумного. Это он и разъясняет.

– «Добрый брат твой, – пишет он «К Никите спафарию», – известил меня, что один из наших иерархов оклеветал меня пред почтенным лице любви твоей, будто я боготворю икону Христову и будто это содержится в моем письме к брату Афанасию (85 п.). По поводу этой клеветы вздохнул я, смиренный, помышляя, как знающие, что и «за слово праздное должно будет отдать отчет в день судный» (Мф.12:36), необдуманно и неосторожно говорят о таких величайших предметах, – ИБО ЧТО – БОЛЬШЕ ВЕРЫ? – уязвляя стрелой клеветы невинных, вместо того,

чтобы, если и есть какая-либо погрешность, с любовью сделать напоминание, по написанному: «обличением обличиши ближняго твоего и не примешь ради его греха» (Лев.19:17)). – Он даже себя называет «малоумным»:

– «Узнав от письмоносца, – пишет к одному из любимейших учеников, «Навкратию сыну», – что между нами, добрый брат, произошли распри, – именно, один говорит: я поклоняюсь иконе Христовой, как Самому Христу, а другой не допускает этого, – я принял это не без скорби, зная, что такие распри, сеемые диаволом, обыкновенно разделяют и самую здоровую часть православных: а это доставляет радость врагам, которые нашими болезнями доказывают здравие своего нечестия. Поэтому я признал за благо не молчать, но выискивать и с своей стороны некоторое средство врачевания, при помощи Божией». Далее он выясняет значение союза «ОС» (os), употребляемого в двойном смысле и пр., а заканчивает советом: – «Это – недостаточно или достаточно – от нас. Вас же увещаю в беседах о Боге вести рассуждения благоговейно и внимательно, и искать истины – или своими силами, или при помощи других, – далеко отогнав распри; равно, как и исправить, если в сказанном мною окажется что-нибудь ошибочным; ибо я – малоумен и грешен»¹³. Нужно думать, что так о себе выразился он по смирению и чтобы утихомирить богословствование его монахов. Но и у них он не отнимает этого дела вовсе, а лишь ограждает добрыми советами.

«ИСТИНА ОЧЕВИДНА, но постигает ее один из тысячи»¹⁴.

– «Будем крепко держаться (древних преданий), утверждаемые Божественными отцами, ХОТЯ ЭТО И ТРУДНО ДЛЯ ЛОГИЧЕСКОГО ДОКАЗАТЕЛЬСТВА. Ибо говорят, что «простота веры должна быть сильнее логических доказательств»¹⁵.

Если так трудно доказывать истину логически, то как же защищать ее? Преподобный на это разным лицам отвечает в различном порядке. Если он пишет светским людям, напр., императорам, то на первом месте поставит «естественные соображения»; если к монахам, – больше будет настаивать на Церковном предании, в частности – на святых Отцах; а большею частью он соединяет то и другое, и отцами подкрепляет доказательства от рассуждения. В общем он указывает 4 рода доказательств:

– «Истина... основывается на доказательствах четырех родов: на естественном соображении, на отеческих свидетельствах, на соборных определениях и на древнем обычае»¹⁶.

Но если три последних рода доказательств подвести под общее

понятие Предания Церкви, то остается собственно два вида: доказательства от ума и ссылки на церковные авторитеты. Сам он пользуется обоими; даже более часто – первыми. Но это не потому, чтобы он придавал своим суждениям неопровержимое значение, а потому, что противники, как и всякие еретики, всегда были рационалистами и придавали первенствующее значение «разумным» соображениям. Потому и Преподобный большую частью становится на их же позиции для опровержения ереси. Но по существу и вере он более придает значения Святым Отцам. Вот как он о них говорит:

– «Благословен Бог, сделавший очищение среди вас от... соблазнов (ересей), – пишет он некоему «Феоктисту пустыннонику» с братьями, который одно время, по простоте своей допускал, повидимому, неправости в вере, но потом отрекся от них, – и благословенно славное имя Его, внушившего тебе сказать, что ты – невежда и неученый, и во всем будешь повиноваться и слушать слова нашего смирения. Я же не буду внушать или предписывать ничего, кроме того, что божественно изречено святыми апостолами и пророками и отцами»¹⁷. Здесь он указывает впереди, понятно, и на слово Божие; но в авторитете этого источника никто не сомневался; поэтому и сам Святой не упоминает о нем в числе «4 родов» доказательств.

Еще: – «Таким образом все суждение (естественное, логическое) твердо держится у здравомыслящих. Для большего же подтверждения этого суждения я признал необходимым приложить к письму три отеческих свидетельства» (Из Златоуста, из Антиохийского, и 7 Вселенского – 2го Никейского соборов)¹⁸. – «Между тем, есть безчисленное множество отеческих (преданий) свидетельств, равно как и – древней истории от самага начала евангельской проповеди к утверждению непорочной нашей христианской веры»¹⁹.

Но еретики не удовлетворились многими ссылками на отцев потому, что: «приведенные относятся к недавнему времени, а не из числа древних отцов», а потому «они неприемлемы в качестве доказательства». На это он отвечает:

– «Если бы сказанное у них (новых) было несогласно с словами Василия и прочих богоносных отцев, то ни я, ни кто-либо из благочестивых не приняли бы этого. Если же это согласно и почти одинаково, то и должно быть принято, хотя упомянутые отцы сказали это за двести лет тому назад» (И двести еретикам – мало! М.В.); но если бы кто либо и в настоящее время сказал бы то же самое, то и он должен быть принят в Церкви Божией и – в отношении учения истины – должен быть

сопричислен к самым святым апостолам, а не только к последующим богоносным отцам... Я не стану говорить больше, чтобы слово не оказалось скучным, – так как о почитании святых икон существует великое множество свидетельств и древних и позднейших, если мы только пожелаем раскрывать их».

С такую же силою, если не с большею, опирается Пр. Феодор Студит вообще на Церковное Предание, или – кратко говоря – на Церковь. Его возмущает одно равнодушие еретиков к тому, как Церковь относилась к иконопочитанию во все время: – «После того, как от востока до запада во всех почти священных храмах напечатлено изображение Христа, после стольких священных соборов, имевших пред глазами своими изображенного Христа, после того, как мы находимся в преддверии пришествия Христова»²⁰, – после всего этого еретики смеют поднимать вопрос и притом решать его противно всему сознанию Церкви прежних веков!

После этого – «как иначе мы будем относиться к господствующему от начала до настоящего времени обычаю, о котором можно узнать из всякого храма Божия и священных принадлежностей? Неужели нечестиво поступил сонм богоносных? Неужели непорочная Церковь допустила идолопоклонство? И когда она будет очищена от идолов и кем? Ясно, что это – дело антихриста. И как может быть ниспровергнуто соблюдение древних обычаев и преданий, преданное с давнего времени?»²¹. Но еретиков и этим не успокоить... От Отцев они мечутся к Писанию:

– «Христу должно воздавать поклонение»: об этом «говорится самым определенным образом во всем Богодухновенном Писании... Но не сказано о «первообразе и изображении»... На это Святой отвечает:

– «Когда написано о Христе: «и да поклонятся Ему вси Ангели Божии» (Евр.1:6), – то что другое можно разуметь, как не то, что здесь – речь о первообразе?.. Поэтому, когда ты спросишь, где написано, что следует поклоняться (и) изображению Христа, то услышишь, что – где только написано, что следует поклоняться Христу; так как подобие – неотделимо от Первообраза.

Но неугомонный еретик от Писания уже бросился к Символу веры: там не написано «это слово»...

– «Но ведь многое из того, – отвечает Преподобный, – что не написано в тех же самых выражениях, имеют равную силу с написанным, как возвещенное Святыми отцами. И то, что Сын «единосущен» Отцу не в Боговдохновенном Писании, но позже у Отцов разъяснено; равно, как и то, что Дух Святой – Бог, и то, что Матерь Господа – Богородица; и многое

другое, что долго перечислять. То же, что не должно исповедывать, отвергнуто истинным богопочитанием нашим. В исповедании же приняты истины веры тогда, когда того потребовала необходимость – для низвержения возставших ересей. Итак, что же удивительного, если и не написано, что Христос есть первообраз Своего собственного изображения? Теперь же это должно быть сказано, в виду появления иконоборческой ереси, когда это самым убедительным образом показала сама истина»²².

Так, в основу своего защищения истины Преподобный ставит Церковь. Причем, мы видели, что под этим понятием он понимает главным образом (после Писания) Церковное Предание. А уже потом – и решения современных соборов. Однако, он не ставит их все на одинаковое положение; так как на его глазах были не только патриархи и множество епископов иконоборцами, но и целых 2 собора их. Он признает всю Церковь не погрешимую; а отдельные церкви могут заблуждаться. В послании «К братьям, находящимся в ссылке и темницах», он говорит так:

– «Мудрствуя согласно с апостольской и поднебесной Церковью, – настоящая же византийская есть еретическая часть, которая привыкла часто отделяться от прочих, – мы изображаем Господа нашего Иисуса Христа в телесном виде, – как издревле непрерывно предано от самого явления Его Апостольскими Деяниями, переписывая икону с иконы, равно, как и образ Животворящего Креста, а не так, чтобы Крест, который есть оружие Христа против диавола, изображать; а Того, Кто есть оруженосец и победитель сатаны, не изображать... Потому и поклоняемся святой иконе Его, поклоняясь как бы Христу, изображенному на ней»²³.

Но и еретики обычно считают и объявляют себя тоже верными Церкви. Как на это отвечает Святой?

Приводя подписку, которую давали по требованию иконоборческих соборов архиереи и клирики и игумены, он разъясняет, что на деле они противоречат Церкви. «ПОДПИСКА. Следуя апостольскому и отеческому учению и повинуюсь узаконению Церкви, принимая шесть вселенских святых соборов» и потом – иконоборческий, устроенный во Влахернском храме (еретики считали его истинным), «и всякое устройство икон и поклонение им отменяя, собрание же под председательством Тарасия» (то есть 7 Вселенский Собор), «отвергая, а тех, которые не такого мнения держатся, анафематствуя, – все это я подписал собственноручно».

На эту подписку, со ссылкой и на Отцев и на Церковь, Пр. Феодор отвечает так: – «Всякая, вновь возникшая ересь думает, что она отвергает ереси, бывшие до нея, апостольския же и отеческия учения принимает, и прежде бывшим соборам следует. Но, – продолжает он, – испытываемая же

словом истины, она изобличается в противоположном состоянии. То же самое – и настоящая ересь, как покажет, с Божию помощью, следующая далее речь».

И далее Преподобный ставит еретика (в сочинении) в противоречие – сначала с Писанием, подтверждая свое толкование Святым Дионисием. Затем ставит в противность и с Святыми Отцами – Дионисием, Афанасием, Василием, Григорием, Златоустом, Григорием Нисским, Кириллом Александрийским и шестым Вселенским Собором: «Это из многого – немногое, чтобы не произвести пресыщения». Отсюда делает вывод, что «Противоречащий им, – хотя бы он – ангел, – отлученный, анафематствованный. Ибо он – не из числа апостолов и отцов, но – человек фальшивый, ложно носящий имя (христианина). Итак, ты отверг ее (т.е. правую веру), хотя и не говоришь, что отвергаешь».

Таким образом, неправомудрствующие не могут привести в защиту себя ни учения Отцев Церкви, ни апостольского – тем паче – изречения. А если по хитрости иногда и пытаются делать это, – то – неудачно и крайне мало.

Далее приводится слово из подписки: «И повинуюсь узаконению Церкви»... – «ЭТО – ВСЕСВЯЩЕННЫЙ ЗАКОН, – именно – древние обычаи, хранить которые особенно повелевает нам Великий Василий. Итак, церковным преданием введено в обычай – искони и от начала Божественной проповеди, как возглашает самым делом земная Церковь в своих священных храмах и принадлежностях (их), – чтобы были начертаемы почитаемые иконы, которые ты теперь унижаешь. Итак, вот церковное узаконение, насколько оно касается этого предмета. И это-то узаконение и его часть (касающуюся иконопочитания) ты отверг со всею силою.»

Потом рассуждает о ссылке еретика (голословной) на соборы. – «Все они, – высказывает замечательную мысль Св. Феодор, – если их рассматривать в главном значении, – одно по Божественному образу мыслей, как один и символ веры. Именно, – по временам вступая в борьбу с возрастающими ересями... они пребывают в (одном в сущности) и том же самом православном догмате. Это – подобно тому, как – воспользуюсь примером – хлебное зерно, когда засеивается, бывает одно: но оно обладает силою в надлежащее время чрез приношение плода (производить) во множестве образуемые его энергиею зерна. Отсюда заметим, что, если ты примешь первый собор, то окажешься принимающим и все». – Далее Св. Отец на примерах доказывает это положение, идя от обличения Ария – до иконоборцев... – «Один у всех соборов благочестивый образ мыслей»...

Заканчивает рассмотрение подписки так: – «Подписал собственноручно. – Разумеется! Но подписал, как Пилат, – обмакнувши трость для осуждения Христа»²⁴.

А сам он, несомненно не только в словах, разсуждениях, писаниях своих, но и действительно в сердце своем (что важнее. М.В.) стоит на учении и предании ЦЕРКВИ. И поэтому он и другим церковно-настроенным людям повелевает бороться за истину не только от богословских разсуждений, выдержек из Писания и Отцев и пр., но и из собственного сердца. В письме к «Феофану монаху» пишет:

– «Это зло (ересь) составлено не на основании догматического учения, – ибо чуждо его это чудовище, – а произошло от нечестивого мнения... Но я уверен, что Троица поразит их божественными устами вашими (после Феофан стал епископом) и – здешних поборников истины. Тебя же и подобных тебе пусть не удивляет еще свирепствующая ересь. Зло еще не сокрушено: и любовь верных к Богу еще не достаточно испытана; и в-третьих, мы не можем проникнуть в бездну судеб Божиих: почему Он попускает народу своему доселе колебаться бурей неверия; кроме того, наконец, и «да искуснии явлени будут», как сказал исполненный мудрости Павел (1Кор.11:19). Поэтому увещеваем и умоляем тебя не переставать обличать противников, вынося Божественное учение из священных сокровищниц сердца твоего, и отсюда доказывая ясно, что Христос не был бы Христом, если бы Он не был описуем по образу нашему»²⁵.

Таков фундамент Преподобного при защите истины.

При некотором желании можно было бы провести параллели и при разборе вопроса об имеславии. В частности я позволю себе сказать, что я старался все время стоять на святоотеческих творениях и писаниях подвижников, – которые утверждают единогласно (только в степенях – разница), что «имя» Божие не «только» имя, а в нем есть благодатная сила.

И если я позволял себе указывать даже на словесное повторение имени Божия, как на не бесплодное дело (при минимуме с нашей стороны); то делал это совсем не потому, чтобы хотел защищать подобный способ отношения к имени, как нормальный и наилучший; а только – для того, чтобы даже в этой крайности показать яснее присутствие Божией силы с именем.

А теперь мы обратимся и к доказательствам Преподобного, в коих он будет проводить параллельную мысль о силе икон и Креста Господня. И уже это одно будет помогать нам и в выяснении наших мыслей об имеславии; так как на такую аналогию с именем ссылался и Архиеп.

Никон, а равно – и другие (Б[рат] Г[еоргий], между ними). Но помимо этой параллели мы увидим у Святого Отца целый ряд уже богословских доказательств об отношении икон и изображаемых, о почитании и поклонении, и проч... При этом Святой Отец устраняет две крайности, устанавливает православную середину, прибегает к богословским понятиям о природе, ипостаси, лице, подобии и проч; и этим методом отстраняет неправомыслие в догмате. Может быть, и для нашего предмета найдется нечто полезное здесь. – А есть и прямые суждения об именах Божиих... – Поэтому теперь мы и переходим к докладу по существу.

Но чтобы кончить о святоотеческих творениях в защиту святых икон, мы приведем уже здесь, во введении, несколько ссылок на них.

После указаний на Ветхозаветные примеры херувимов, устроенных Моисеем в скинии, по повелению Самого Бога; а также обратив внимание, что, и сам «Человек – образ Божий по возможному подражанию Неподражаемому, – так как Писание говорит: «во образ Божий сотворих человека» (Быт.9:6); и ангел – образ Божий, – как говорит Божественный Дионисий», – Преподобный делает вывод: «Поэтому созидание образов и поклонение им ты (еретик) должен допустить по отношению к обоим, хотя бы и не хотел. И действительно поклонение воздается и ангелу и человеку».

А затем переходим к Святым Отцам. Во главу их он ставит прежде всего «свидетельство Петра, вождя апостолов» из жития Св. Панкратия («АКТА САНКТОРУМ», Апрель 3): – «Принеси икону Господа нашего Иисуса Христа и отпечатлей ее на небольшом возвышении, чтобы видели народы, какой вид принял Сын Божий».

«Свидетельство Святого Дионисия. Человеколюбивое начальное откровение таинств чувственными образами начертало вышенебесные мысли в составе слов, изображающих священные предметы» (О небесной иерархии, гл.1).

– «Свидетельство Святого Афанасия. Не как богам поклоняются иконам верующие, подобно язычникам – да не будет! Но – только образу, обнаруживая этим чувство своей любви к образу лица иконы» (Вопросы Антиоху, в.39).

– «Свидетельство Григория Богослова. Возвышаясь над нею, находился на иконе Полемон. Увидев икону, которая внушала благоговение, она (женщина) тотчас удалась, побежденная зрелищем, устыдившись изображенного Полемона, как живого» (Из ямбических стихотворений, 18).

– «Свидетельство Златоуста. Я полюбил и вылитое из воска

изображение, как исполненное благочестия. Ибо я видел на иконе ангела, прогоняющего толпы варваров...» (Из первой беседы на разл. места В[етхого] и Н[ового] Завета)...

– «Свидетельство Григория Нисского. Часто видел я живописное изображение страдания (Исаака, приносимого в жертву) и никогда не проходил без слез...» (Слово о Божестве Сына и Духа).

– «Свидетельство святого Кирилла. Я видел на ценной живописи борющуюся на арене девушку, и я без слез не мог смотреть на это зрелище».

– «Свидетельство Отцов шестого святого собора: ... «Определяем: отныне образ Агнца, вземлющего грех мира, Христа Бога нашего, представлять и на иконах по человеческому виду, вместо древнего агнца"" (Правило 82)²⁶.

– «Вот слова Отцов, собравшихся в Антиохии: Не как иного по виду (почитаем на иконе), но как одного и того же Господа в одном виде; ибо Он, естественный образ ипостаси Отца, и прежде воплощения был один безтелесный, и во плоти один и тот же, не разделяемый на два образа и не расторгаемый на две славы, но почитаемый одною». И чрез несколько слов: «Но как Он есть один из двух противоположных естеств и составляет одно лицо, так и икона Его есть одна и одного и того же Христа; и не говорим мы, что иной образ явился нам во плоти, а иной образ находится на иконе по подобию вида Его, но один и тот же; ибо и образом он называется не как тело, но как безтелесный; это яснее выражается Божественным Златоустом, который называет его небесным образом; и с неба он, не как тело, но как безтелесный Единородный Бог, пришедший с небес, воплотился и явился облекшимся в наше тело». И спустя немного: «посему, так как икона относительно представляет самый образ Его, то мы поклоняемся Самому Христу, а не веществу, искусственно начертанному на иконе»²⁷.

Другие примеры Пр. Феодор приводит уже из житий. Их несколько.

Разсказывает известный случай издевательства иудеев над иконой Спасителя... «И когда это (прободение иконы в месте ребра) совершилось, тотчас из иконы вытекла в изобилии кровь и вода». Об этом случае упомянем еще раз.

– У святого Софрония в повествовании о чудесах Кира мученика и Иоанна рассказывается буквально следующее. «Пришедши в некоторый превосходный храм, своим видом внушающий трепет и в высшей степени величественный... мы смотрели на величайшую удивительную икону, представляющую в середине Господа Иисуса Христа, написанного

красками; с левой стороны – Мать Христа, Владычицу нашу Богородицу и Приснодеву Марию; с правой стороны – Иоанна Крестителя и Предтечу Спасителя, который из чрева приветствовал Его взыганием...» (Мы сокращаем. М.В.) На иконе находились и апостолы, и пророки и некоторые мученики. «С нами находились и сами Кир и Иоанн мученики. Они ставши пред изображением, припадали к ногам Господа, преклонивши колена, держа головы на земле и предстательствуя о выздоровлении юноши». И спустя немного, продолжает (т.е. Софроний): «ставши недалеко от иконы и находясь близ друг друга, (один из них) сказал: «видишь, что Господь не хочет тебе даровать исцеление». И еще дальше: «И подошедши к иконе в третий раз, они обратились с прежде упомянутыми словами; и когда они в течение долгого времени молились, исполняя порученное им, и восклицали, – Христос, как милосердный, сжалившись, склонился в знак согласия и изрек: дайте ему исполнение просимого пред иконою» (Акта Санкторум, 3 января). Видишь, что мученики припадали к иконе, как к Самому Христу; от иконы, как от Самого Христа, вышел и голос, обещающий исполнение просьбы. Чему поклоняются мученики, тому же поклоняться, без сомнения, даровано и ангелам».

На это еретик отвечает (в сочинении): – «Это – теория (легенда. М.В.) и, хотя рассказывается у святого, однако не имеет подтверждения в догматическом основании».

– «Православный. – Что это – теория, я согласен (тут, в смысле рассказа, повести. М.В.); однако, она не была бы записана у святого, если бы не была справедлива», – заканчивает этот случай Св. Феодор²⁸.

Параллельно сейчас припоминается мне еще более разительный случай из жития Св. Феодора Сикеота (привожу по памяти, – память 22 апреля). Уже умирая, он стал просить у Бога продления его жизни, «для покаяния». Над его одром висела икона Св. Безсребренников Космы и Дамиана. Он стал просить их исходатайствовать ему еще несколько лет... Вдруг он видит, как из иконы исчезли святые, т.е. изображения их... А через несколько времени они появились, как уже живые реально, и возвестили ему об исполнении их общей просьбы; а потом снова явились на своей иконе (М.В.).

Затем Св. Феодор ссылается еще на храм, расписанный в память Св. Епифания Кипрского, «изображениями всей Евангельской истории».

В заключение всего этого «Второго опровержения» Преподобный восклицает: – «Подними вокруг свои глаза (иконоборец), – и ты увидишь, что иконы изображены в священных домах и на Божественных в них

принадлежностях, и им обязательно воздается поклонение в тех местах, для которых они изготовлены. Если бы для подтверждения обычая воздвигать иконы и поклоняться им (и) не было догматического учения и свидетельства богоносных отцов; то для удостоверения истины достаточно было бы господствующего древнего предания. И кто будет в состоянии возражать против этого?!»²⁹

А если искать большего количества свидетельств Св. Отцов за иконы, то их можно найти в Деяниях 7 Вселенского Собора.

Окончив введение, я покорнейше прошу читающих отнюдь не думать, что я, почитая себя православным и ссылаясь на святых отцов в вопросе об имеславии, тем самым всех других отношу в разряд противоположный. Нет! я лишь, подобно (в этом случае) Преподобному, желаю оправдать себя от возводимого на меня обвинения и подозрения в неправославии (как он возражал Святому Патриарху Никифору против слова «отщепенец»). А для этого мне ничего иного не остается, как только искать подтверждения своих мыслей у Отцов Церкви и вообще в предании ея.

И как расходились иногда в формулах даже и православные иконопочитатели, так да дарует и мне Господь милость оказаться в Его стаде православном со всеми, право исповедующими Святую веру нашу... Во спасение души моей...

Глава 1-я. Сила Креста и святых икон

Остановимся сначала несколько на духовной пользе от креста и икон, – хотя против этого не возражали даже и иконоборцы, – опасаясь лишь «большого» якобы вреда...

– «Изображай Христа, где следует, как имеющий Его живущим в сердце твоём, чтобы Он, и читаемый в книге (Евангелии), и созерцаемый на иконе, как познаваемый двумя чувствами, вдвойне просвещал твой ум, когда ты научился созерцать глазами то, в чем был наставлен словом. И когда Он таким образом представляется слухом и зрением, неестественно, чтобы и Бог не прославлялся, и человек благочестивый не приходил в сокрушение; а этого что может быть спасительнее и благоугоднее Богу?»... Многие и из святых учителей считают повествование словами полезнее изображения на иконах, не отвергая, впрочем, ни одного из них. А другие – наоборот. Но то и другое – равно, как говорит Василий Великий: – «Что повествовательное слово передает чрез слух, то живопись показывает молча чрез подражание». Не все – живописцы и не все – повествователи, – но какую Бог каждого наделил мерою благодати»... «Кто, посмотрев внимательно на картину (всякую)... отходит от нея, не получив впечатления в уме?»... «Видишь ли, как один предпочитает словесному изложению живопись, в которой заключается такая божественная сила, – что от нея и бесы плачут: как другой называет изображение столь почтенным, что оно служит к вразумлению блудницы... Посмотри: сколько благ! вникни: сколько пользы!»³⁰

Но против такого морального значения, – как икон, так и имени, напоминающего о Боге, – никто не возстает. Но и не в этом собственно главное значение креста и икон. Если бы они были только «картины», то из этого не могло бы создаться «догматического» учения; торжество иконопочитания не могло бы праздноваться, как «торжество православия». Нужно в иконах усматривать нечто более важное и действенное. Мы мимоходом уже слышали, что от икон «и бесы плачут». Это – уже не от созерцания ими картины или изображений, ибо они очей не имеют, хотя и знают многое, – «видя» духовно. От простой, не имеющей никакой силы в себе картины они не плакали бы. Есть, значит, сила в ней и в Кресте. Конечно, все мы, православные, всегда так и веровали и веруем. Россия – полна чудотворными иконами, – даже до последнего времени «обновления икон». Но вот же было время, что даже целые соборы архиереев отрекались от икон и не признавали за ними никакого значения. В то

время, как «многие не только мужи, но и жены» защищают иконы, противники «истребляют всякую святую икону Христа, Богородицы, ангелов, всякого святого и святой, по всем церквам, на всяком священном приношении, предавая ее огню, порицая, насмехаясь над великим таинством благочестия, называя мерзостью изображенного Христа с Его Матерью и служителями, – как думать, говорить и делать свойственно иудеям и язычникам. Арабы и скифы, зная стыд, не делали этого!.. Некоторые пали по собственной воле, без принуждения; другие вследствие бичевания; иные вследствие угрозы и только ее одной: иные, без угрозы и мучений, по одному только страху; иные из опасения лишиться собственности; а некоторые по неведению»³¹. – Вон что было тогда! И нужно было говорить и защищать и ясное! Приведем сначала слова о силе Креста:

– «Крест Пострадавшего (Христа) предупредительно говорит: ты обо мне помышляй, как о чудесном древе, КАК БЫ СОЕДИНЕННОМ С БОГОМ, как о получившем силу освобождения из ада. Я обильно источаю росы чудотворения, так что они разом напоят мир источниками. Я доставляю силы. Да и что (вообще) не доставляю из того, что относится к блаженной жизни? Числа их невозможно описать!»³²

В слове на крестопоклонной неделе Св. Феодор говорит:

– «Древо это, на которое взошел Христос, как царь на Свою колесницу, поразило диавола, имевшего державу смерти, освободив род человеческий... Это древо есть именно то, на котором Господь... исцелил язвы греха»... «Образ Креста явил много дивного – в одержании побед над врагами, в прогнании бесов, в исцелении болезней, и во многих других безчисленных случаях». «Сила и могущество Креста – гибель всякой вражьей силы»... И множество иных похвал говорит ему святой.

Подобным образом говорится и о силе икон. Мы уже слышали об этом из предыдущих ссылок на жития и предание... Приведем еще одно свидетельство из послания его к Папе Пасхалию: – «Досточтимая икона Спасителя нашего Бога, которой и бесы страшатся, подверглась поношению»³³. Думаю довольно.

Но вот еще большее слышим мы. Святой относится к Кресту и иконам совсем не просто, как к изображениям бездушным, – хотя они по веществу своему действительно бездушны, – а как к живым. Вот как он говорит в том же слове:

– «О Крест Христов! Я обращаюсь к тебе, как бы к существу живому: защити тех, кои прославляют тебя пламенным сердцем; сохрани всех, кои с верою приемлют и лобызают тебя. Управи рабов твоих в мире и правой

вере... охраняя иерархов и царей, монахов и отшельников»³⁴.

Здесь сказано: «как бы» к живому. И конечно, по веществу Крест неодушевленный предмет. И тем не менее, – или даже – тем более, – дивно, что Преподобный относится к нему, «как бы к живому»... Что же это? Простая метафора, сравнение? Или это – гомилетический прием красноречия, когда и неодушевленным вещам для силы впечатления придается образ чего либо живого? – Мы так не думаем. Мы совершенно уверены, что здесь сказано больше, чем сравнение и олицетворение. Преподобный чувствовал в Кресте действительную, присущую ему силу... Впрочем, и нам при прикладывании ко Кресту приходилось же испытывать подобное... Именно – живое отношение, восприятие... В толковании (рукописном) праздника Воздвижения Креста мною (совершенно независимо от всяких вопросов) было записано, что я ощущаю Крест, как что-то Живое... Не богословствовал я; а просто записал личное переживание. Чем это объясняется, увидим несколько строк спустя...

А параллельно укажем теперь на подобное же отношение и к иконам... Это уже более общее восприятие: почти все мы и взираем и относимся к ним, как к «живым». У Святого Феодора есть интересный, очень редкий случай «живого» употребления иконы. У высокопоставленного лица, Иоанна Спафария (военный чин), родился ребенок. Неизвестно, почему, но отец решил взять в приемники не живого человека, а Св. Великомученика Димитрия Солунского. По этому поводу Св. Феодор и пишет ему: – «Услышав, что твоя именитость совершила некоторое божественное дело, мы удивились твоей, поистине великой вере, человек Божий! Ибо известивший об этом говорил, что ты употребил святую икону великомученика Димитрия вместо приемника и таким образом совершил крещение богохранимого сына твоего. О уверенность! «Ни во Израили толики веры обретох», – сказал Христос, мне кажется, не только сотнику тогда, но и тебе теперь, соревнователю его в вере (Мф.8:10). Тот нашел, чего искал, и ты получил, на что надеялся... Здесь великомученик был ПРИСУЩ духом своему изображению, воспринимая младенца. Но для нечистого слуха и для неверующих душ это неприемлемо, как нечто невероятное, особенно для иконоборцев; но для твоего благочестия проявления очевидны и доказательства ясны. Ибо чего не может Бог даровать верующим?! И каким образом на иконе не созерцается и не признается присущим тот, кто изображается на ней соответственно имени? «Чествование образа, – говорит Василий Великий, – переходит к Первообразу»³⁵. Итак, ясно, что мученик чрез свой образ

воспринял младенца, поскольку ты так веровал. Какое же счастье твоей именитости, что ты приобрел такого, как говорят, кума, а не какогонибудь начальника или вельможу, или, можно сказать, самого облеченного в диадиму; ибо приобретенный тобою – выше и превосходнее... Очень счастлив и сын твой воспринятый столь великим славою и силою». Заканчивая письмо, пишет: «Добрые дела должно не замалчивать, но открывать другим, как очевидные доказательства благочестивой веры»³⁶. – Правда, тут упомянуто и про «веру». Конечно. Но центр тяжести-то не в ней, а в связи Святого с иконою: так веровал и Спафарий; в этом укрепляет его и Преподобный. И какая живая поразительная вера в эту связь!

Подобным образом и сам он еще раньше высказывал такую же веру в связь и Христа со Крестом. Во «Втором опровержении», откуда мы приводили случай о чуде с иконой Спасителя, он говорит: – «Примеры и суть, и называются очевидными свидетельствами того, о чем говорится. В данном случае блаженный Афанасий (Вел.) объясняет нечто еще более удивительное (чем случай с Киром и Иоанном), давая понять, что все, относящееся к подобию, имеет такое общение с первообразом, что и страдание(!) изображения Христова является страданием САМОГО ХРИСТА».

Примечательно, что и сам Афанасий Великий озаглавил написанное им так: «О страдании иконы Господа нашего Иисуса Христа»³⁷. Вот какое живое восприятие и действительное отношение изображаемых к их иконам! Отсюда именно и объясняется их сила. Но еще обратим внимание сначала и на новый вид почитания священных предметов. В «догматическом оглашении – о почитании святых икон и поклонении пред ними»³⁸ он убеждает почитать не только иконы и Крест, но и менее значительное:

– «Обратите внимание и уразумейте и то, что если места, где родился Христос, являются и называются священными и поклоняемыми; и если кто оттуда возьмет песок или камень, тот хранит его как священную драгоценность; то тем более должно чтить икону Христа и поклоняться пред ней».

Вот поистине священное отношение к святым местам и предметам! И простые люди, «поклонники» наши, так и делали. Мы видели, как и в Оптиной пустыне около гробниц Макария и Амвросия образовались даже ямочки, из коих верующие брали песок: значит, и с ним была сила, если брали... Даром бы не брали! И тут не одна лишь «память» и любовь: а больше – сила: иногда и исцеление получали от этого. И о. Иоанн Кронштадтский свидетельствует сам, что даже чай, который он из своей

чашки разливал другим, бывал чудотворным. И в Писании сказано об Иерусалиме, что любящие его «и персть его ущедрят» (Пс.101:15)... И даже помощь получают от нея!

Конечно, есть различие между святынями; но во всех них есть сила Божия; и все они должны быть ради этого почитаемыми... В частности, по словам Св. Феодора, иконы Христа заслуживают даже большего почитания, чем Крест: – «Без всякого сомнения, если презирающий изображение Креста оказывает презрение Христу, тем более отвергающий икону Христову направляет отвержение на Христа... Ибо то есть знак, а это – образ Христов» (П.21). «Таким же образом, кто страдает и за Крест и за его образ есть в полном смысле мученик: и страдающий за икону – в большем смысле; ибо то есть знак, а это – вид Христа»³⁹.

Глава 2-я. Образ и первообраз – «Один в другом»

Мы уже несколько раз затрагивали вопрос о причине силы икон. В этой главе остановимся на ней особенно. Всякий, кто читал творения Св. Феодора об иконах, помнит, что у него (как прежде уже у 7 Вселенского собора, а после и у всего православного мира) вопрос этот формулируется словами Василия Великого, уже приведенными выше, из послания его к Св. Амфилохию, что честь образа переходит к Первообразу. Это основное положение беспрестанно повторяется. Вот несколько примеров.

– «Видишь ли, возлюбленный, какая сила заключается в образе Креста! Но, если такова сила в образе Креста, то какова же должна быть сила в образе Христа, Распятого на Кресте? Ибо очевидно, что чем превосходнее образы, тем величественнее бывают и отобразы». Затем он ссылается на ветхозаветный еще прообраз Моисея, крестообразно молившегося в борьбе с Амаликитянами. «Но там, – возразит кто-нибудь – был образ живой: зачем же ты говоришь о неодушевленном?» – Я говорю об этом потому, что здесь бывает то же, что и при знаменовании Креста, когда видимый предмет, в котором и посредством которого совершается нечто чудесное, не имеет в себе жизни: подобно образу Креста, являющемуся в предметах одушевленных и неодушевленных, образ, представляющий собою Христа, обыкновенно производит дела дивные, как носящий на себе вид и знамение первообраза, и столько же удостаиваемый одного и того же поклонения с своим Первообразным, сколько и (одного) имени, – это очевидно само собою... Кто унижает образ, тот унижает и самый первообраз; потому что оба эти предмета имеют между собою и сходство и отношение в глазах здравомыслящих»⁴⁰.

– «В иконе является первообраз, равно и как и в изображении Креста – животворящий Крест»⁴¹.

Особенно часто приводится сравнение, данное Св. Василием Великим, а также и Афанасием Великим. – «Царем, – говорит он (Василий), – называется также изображение Царя, и однако не два царя: ни царство его не рассекается, ни слава не разделяется. Подробно тому, как господствующая над нами власть и держава одна; так и воздаваемое нами славословие одно, а не много». Итак (повторяет Св. Феодор Св. Василия) честь изображения переходит к Первообразному. А что этот пример подходит к изображению Христа, – кто будет оспаривать? Подобным же образом можно сказать, что Христом называется также изображение Христа, и однако не два Христа. И в данном случае ни могущество не

рассекается, ни слава не разделяется, и одинаковым же образом честь изображения переходит к Первообразу»⁴².

Подобных изречений у него множество⁴³.

Итак, связь между иконами и изображаемыми существует.

И это единение, связь, общение, настолько тесны, что совершенно неотделимы и изображаемое, и изображение. Чтобы выразить это, как можно сильнее, а в то же время и авторитетно, Преп. Феодор ссылается очень часто на слова Св. Дионисия Ареопагита: «одно в другом»; то есть ни икона неотделима от изображенного, ни наоборот. Чтобы это было понятнее и не вызвало сомнения в истинности, приведем подлинные слова Святых.

– «Если свойство иконы – быть подражанием Первообраза, – как говорит Григорий Богослов; и в образе усматривается первообраз, как говорит премудрый Дионисий, то очевидно, что от подражания, т.е. от иконы происходит много пользы, и через это подражание возбуждается обильное духовное созерцание первообраза. Свидетель сам Божественный Василий, который в одном месте говорит: «чувствование образа восходит к первообразу»: если же восходит, то без сомнения и нисходит от первообраза к образу. Никто не будет столь безрассуден, чтобы назвать чувствование бесполезным или не признать подражание отображением подражаемого, так что «ОДНО НАХОДИТСЯ В ДРУГОМ», по словам Божественного Дионисия⁴⁴; а этого что может быть полезнее и способнее возводить горе? Подлинно, икона есть замена личного созерцания и, – употреблю ближайшее сравнение, – есть как бы лунный свет в отношении к солнечному свету»⁴⁵.

– «Образ Христов, на каком бы материале он ни был запечатлен, неотделим от Самого Христа, так как сохраняется вне материи, в представлении»⁴⁶

– «Таким образом, и В иконе, и В Евангелии, и В кресте и во всяком другом священном предмете БОГ ЯВЛЯЕТСЯ ПОКЛАНЯЕМЫМ В ДУХЕ И ИСТИНЕ: материальное устраняется вследствие возвышения ума к Богу. Верующие не останавливаются на веществе потому, что и не верят в него, – в чем заключается заблуждение идолопоклонников; но через него возвышаются к первообразу, – как и веруют православные»⁴⁷.

Из приведенного места пока явствует, что икона является будто бы лишь символом, чрез который наш ум возносится к изображенному; и только... Но это не так у Преподобного. Например.

– «Где находится место, в котором бы не было Божества, – в существах разумных и неразумных, в одушевленных и неодушевленных?»

Но в соответствии с воспринимаемыми природами – в большей или меньшей степени (присутствует). Так и тот, кто сказал бы, что БОЖЕСТВО ПРИСУТСТВУЕТ И В ИКОНЕ, непогрешил бы против истины»⁴⁸.

– «Если же ты будешь говорить, что (изображение) не заключает в себе ХРИСТА, то ты (еретику говорится) – по слепоте – равный свинье, имея только внешняя очи,... которому Бог-Слово не повелело бросать перлы слов истины»⁴⁹.

Глава 3-я: Природа и Причастие

Итак, мы видели, что между образом и первообразами существует «неотделимая» связь. И это до такой степени, что постоянно мы встречаемся с выражением (как не раз уже видели и увидим), что поклонение иконе Христа называется поклонением «Христу», «Самому Христу» и пр. и это постоянно⁵⁰. Преподобный так ясно зрел эту связь, что отвержение икон просто считал отвержением христианства:

– «Эта ересь, – хотя казалась предшественникам иначе, или даже теперь кажется некоторым не худою и не очень тяжкою, – мне непросвещенному кажется не чем иным, как отречением от Христа. Ибо, если в образе выражается первообраз, как говорит премудрый Дионисий; и если чествование образа относится к первообразу, как говорит Великий Василий; а ныне икона Христова унижена, отвергнута, поправа христорборцами; то в иконе и чрез икону Христос отвергается, безславится, унижается по-иудейски»⁵¹. Это обвинение иконоборцев в иудействе повторяется им часто.

Но с другой стороны, грозило обратное обвинение защитникам икон: в язычестве, в идолопоклонстве, в обоготворении твари, в многобожии, двубожии и прочих ужасах. И в самом деле, казалось, были к тому основания: не только в том, что при видимом поклонении вещественным изображениям верующие действительно не отделяли поклонения иконам от поклонения изображенным, кланялись им, «как Богу»; – точнее, иконе Христовой, как Христу, – Богородичной, как Богородице; – но и в формулах самих защитников: «Сам Христос», «Божество присутствует в иконе», «одно в другом», «образ в первообразе» и обратно; все это на первый раз давало по-видимому повод смущаться православными взглядами Св. Феодора... И ведь, до какой степени! Его друзья – подозревали иконопочитателей в обоготворении икон: архиереи бросали ему упреки в том же; даже вон монахиня подозревала его в уклоне неправославном и пр... Нужно было точнее выяснить все недоразумения и врагов и друзей. Да этого требовало и самое существо вопроса: неправильность формул, неточность и спутанность терминов, все это могло [привести] не только к недоразумениям по честному неведению и неопределенности, но и прямо к ересям.

Преподобный Феодор знал это и вопрос представлял себе ясно. Для этого он прежде всего совершенно определенно и удобопонятно для всякого различает сущность, природу – от подобия и причастия. Природа

Бога – одна; природа твари иная... Христос – Бог; икона или крест – по собственной своей природе – вещество. И слиться воедино они не могут. Только в едином Христе воплотившемся существенно соединилось несозданное естество Божества с сотворенным человечеством. Это – «естественное», природное соединение. А в остальных случаях соединение бывает лишь по причастию ради подобия. Таковых мест у него очень много. Без особенного плана перепишем наиболее сильные.

– «Глава 3» из «Опровержения третьяго». «О том, что поклонение Тому и другому, Христу и Его изображению, есть одно и нераздельно».–

– «Первообраз находится в изображении не по существу. Ибо иначе стали бы говорить, что и изображение есть первообраз, равно как и первообраз в свою очередь есть изображение; но это невозможно, потому что определение природы каждого из двух бывает особое; первообраз же находится в изображении по подобию своего бытия... Посему нужно признать, что изображению недостает равенства с первообразом, и оно – ниже его славы – не по подобию, но по различию сущности (вещества иконы), которая и не может принимать поклонения, хотя изображаемый на иконе является покланяемым. Итак, не вводится другое поклонение, но бывает одно и то же поклонение иконе сравнительно с первообразом, ПО ТОЖЕСТВЕННОСТИ ПОДОБИЯ», – а не существа, не природ.

Отсюда следует дальнейший вывод:

– «Не сущность (физическая, не вещество. М.В.) иконы служит предметом поклонения, но впечатленное на ней изображение первообраза, т.к. сущность Иконы непокланяема»⁵².

Поэтому никто не может «допускать или утверждать, что Христос и Его изображение – одно и то же; но по природе иное – Христос, и иное – Его изображение, хотя по нераздельному их наименованию они – одно и то же... И если кто стал бы рассматривать природное свойство иконы, то он не только не мог бы сказать, что он видит Самого Христа, но даже не мог бы сказать, что он видит Его изображение», «хотя по нераздельному их наименованию» они – одно... По природе же своей «она окажется быть может деревом или краской, или золотом, или серебром, или чем либо иным из других различных материалов, от которых получает и самое имя. Если же внимание обращается на достигаемое посредством изображения сходство с первообразом, то икона называется Христом или изображением Христа; но Христом называется она по одинаковости наименования: изображением же Христа она именуется по отношению к Нему; ибо подобие есть подобие именно первообраза; равным образом и и м я есть имя того, что им называется»⁵³. «Подобие названо одним именем с

настоящим предметом»⁵⁴.

Это различие природ во Христе и в иконе дает возможность правильно понимать наименование икон именем изображенных, с добавлением «САМ»; но тут может быть правильное понимание, а может и уклонение явиться. По этому вопросу Св. Феодор входит в разсуждение в письме к «Навкратию сыну», объясняя: как следует понимать союз: «как» (ос).

Высказав скорбь, что недоразумения и споры проникли даже и в среду самих православных монахов, он говорит далее:

– «Сущность предмета состоит в следующем. Частица: «как» (Ос) в Богодухновенном Писании употребляется иногда в смысле подобия, а иногда в смысле утверждения». Приводит примеры: «яко птица особящаяся на зде» (Пс.101,8) – подобие; "Коль (как – Ос) благ Бог Израилев» (Пс.72:1) – утверждение. И затем:

– «Итак, кто говорит, что он покланяется иконе Христовой так, как (т.е., подобно) Самому Христу, тот здраво рассуждает; а если утвердительно, то – нет; ибо образ и первообраз – не одно и то же по естеству, но одно и то же по подобию. Оба они принимаются за одно и то же; но по существу совершенно различны: говорю о художественных иконах», – а не о Христе, Сыне Божиим, как Образе Отца, вообразившемся «природою», «по существу» во плоти. – «В теле Господнем и Божество, по причине природного соединения, пребывает совместно с Ним, является покланяемым и славимым, хотя плоть и подпадает органичению... Относительно иконы этого (природного соединения) нельзя сказать никоим образом. Где не присутствует даже природа изображаемой плоти, а только один наружный вид, там тем менее можно говорить об описуемости Божества, Которое настолько и присутствует и является покланяемым в иконе, насколько присутствует в ней, как в тени соединенной с ним плоти»... Далее находятся уже приводимые нами слова: – «Кто сказал бы, что Божество присутствует и в иконе, не погрешил бы против истины. Но не по единству природы, так как эти предметы не плоть обожествленная, но по относительному их к Нему причастию, так как и они участвуют в благодати и чести»⁵⁵.

Но возвратимся к письму к Навкратию: – «Как же можно покланяться иконе, как Самому Христу утвердительно, когда в ней Христос присутствует не существенно, а относительно, или по подобию? – Такое суждение отступает от истины и с другой стороны. В образе выражается первообраз, и в иконе почитается поклонением Христос; словом «в иконе» – означает: одно в другом, почитается поклонением иное в ином... Мы

видим Христа на иконе, апостолы же видели Самого Христа... Мы поклоняемся Ему в иконе Его, а они поклонялись Ему Самому... Итак, на иконе Христос почитается поклонением по подобию, или относительно, или по сходству, – ибо то и другое сходно! – а не самолично», т.е.: не в собственном лице. «И без иконы он почитается поклонением умственно; ибо, конечно, не всегда он может быть созерцаем в чувственной иконе»⁵⁶.

Так же пишет он и к «Фомаиде девственнице»:

– «Итак, мы, почтеннейшая... поклоняемся иконе Господа нашего Иисуса Христа так, как (ОС – подобно. М.В.) Самому Господу нашему Иисусу Христу. Но слово «как» есть выражение подобия, а не точного тождества; ибо иначе она была бы не иконою Христовою, а Самим Христом. Впрочем, она есть икона Христа, и ОН почитается поклонением в иконе Своей; и выражается как бы одно в другом»⁵⁷.

А «слава подобия неотделима от первообраза, как от света неотделима тень. И все, что говорится о причине, вполне может быть сказано и о происшедшем от этой причины; но одно говорится в собственном смысле, потому что обуславливается природою; другое же – в несобственном смысле, потому что говорится по подобию»⁵⁸.

Итак, по природной сущности образ и первообраз различны.

Но вследствие единства лица в Первообразе Христе и в Иконе Его, или вследствие тождества ипостаси, как именование, так и поклонение – одно; хотя по степени последнее отлично от поклонения Христу по существу. Приведем выписки.

– «При описуемости одно лице Христа не разделяется на два лица, как некоторым кажется. Ибо содержание образа и первообраза по личности не разделяется, но по сущности они различны. Так премудрый Дионисий говорит: «одно в другом, кроме различия по сущности»⁵⁹.

Продолжаем из другого письма, «К Иоанну Грамматику»:

– «Сказав о различии по сущности словами «одно в другом», он выразил тождество ипостаси, по которому и поклонение представляется относительным. Ибо отношение, как говорят, бывает между предметами относительными; они совокупно существуют и обращаются один к другому, как например, первообраз к образу. Один не может быть без другого так же, как и утверждается это и о предметах, совокупно существующих... Словом «ипостасное» ясно показывается, что не отличная от Христовой ипостась в иконе Его, но та же самая ипостась Христа, или выражение по виду образа Его созерцается в иконе и почитается поклонением»⁶⁰.

А потому исключается возможность двубожия и многобожия. Иконы

почитаются не сами по себе, не по своей сущности и природе, а ради Единства Христа в Себе Самом и в изображении Его: – «Христом мы называем, как изображение Христа, так и Самого Христа, – и однако не два Христа, так как одно от другого отличается не общностью имен, но природою»⁶¹.

Таким же точно образом устраняется возможность обвинения в идолопоклонническом обоготворении икон: раз почитается не сущность самой иконы, не ея вещество, а изображенное на ней, то честь восходит к последнему.

– «Боготворить кого-нибудь обозначает, – будем говорить на основании самого состава слова, – когда кто-либо считает за Бога то, что не есть Бог, и служит ему, как Богу». Но Христос есть истинный Бог, «соделавшийся человеком», и потому и описуемый, изображаемый. «Потому, совсем не означает, что обоготворяют иконы те, которые начертывают изображение Христа и поклоняются ему, – прочь, любезный, такое безумие! Ибо мы не говорим, что имеем Бога созданного, но – Бога воплотившегося, – и не два Бога, но один в трех лицах. И действительно, поклоняясь изображению, мы не думаем нечестиво, что поклоняемся веществу, на котором напечатлено это изображение, но... самому тому, который хотя напечатлен на нем на подобие печати, – по природе, однако, находится во Христе. Ибо образы первообразов... не участвуют в природе» последних; «в противном случае... мы оказались бы поклоняющимися всякому веществу. Но прочь неразумие! Одна в обоих сила, слава и поклонение, как провозглашает Василий Великий; так как сходство изображения и первообраза не есть сходство двух лиц, но – одного лица. Кроме различия сущности, первообраз и изображение – одно и то же, – говорит мудрейший Дионисий. Также и по отношению к Богородице. Ибо, изображая Ее и поклоняясь Ея иконе, мы не признаем по язычески, что имеем и почитаем богиню, – но Богородицу. Точно так же и по отношению к святым: мы почитаем и поклоняемся не многим богам и богиням, но Единому Богу и слугам Единого Бога, ради Которого честь ко всем приходит и к Которому снова возвращается»⁶².

И когда «один из... иерархов» в беседе о Св. Феодоре, обвинил его в том, что будто он «обоготворяет икону Христову», то, вознегодовав на это, Преподобный ответил: – «Отнюдь нет этого в письме моем» (к Афанасию). Далее он разъясняет перетолкованные слова (см. далее о «богопочитании») в их подлинном смысле и делает общее заключение:

– «Когда поклоняются иконе, то поклоняются Христу, Которого она есть подобие, а не веществу, на котором находится подобие... Кто думает,

что он покланяется веществу, тот младенец неразумный. Итак, не вещество, на котором икона, почитается поклонением, и не другое лицо, кроме изображенного на иконе. В обоих случаях неправильность одинаково нечестива. Посему и называется изображение Креста Крестом, а икона Христа называется Христом, не в собственном, но переносном смысле. Если бы он (иерарх оный) убедил нас, что изображение Креста не называется Крестом, то убедил бы нас и в том, что икона Христова не называется Христом»; а теперь «справедливо», что не вещество, не самая икона, по природе своей, почитается, а «ХРИСТОС... В ИКОНЕ СВОЕЙ»⁶³.

Итак, Бог, Христос, Богородица, Ангелы, Святые находятся в иконах, а иконы – в Них: «одно в другом». Но не существом – а «причастием», или силою, как говорит Святой словами Св. Василия Великого, «или БЛАГОДАТИЮ»; – как мы уже ранее приводили эти слова их: «Божество присутствует и в иконе...и в изображении Креста, и в других божественных предметах, но не по единству природы... но по относительному их к НЕМУ ПРИЧАСТИЮ, так как и они УЧАСТВУЮТ В БЛАГОДАТИ и ЧЕСТИ»⁶⁴.

Глава 4-я. Богопочитание икон и именование их

Из предыдущего не трудно выяснить уже, в каком смысле нужно и понимать, и именовать святые иконы божественными именами; ибо, если в них присутствует Бог Своею «силою», или «Благодатию», то можно говорить о «Богопочитании» или Богопоклонении чрез них, – хотя собственно – не иконе, а Христу: иконе же – поклонение в относительном смысле, а не по существу. Так же рассуждать следует и об именовании их. Вот как учит об этом Преподобный.

Мы уже видели, что и первообраз и образ, «по единству подобия», а вследствие этого – и по благодатному «причастию» и силе – тождественны; а потому и именоваться они должны одинаково и одна им должна воздаваться и честь, или поклонение. Но различие и в том и в другом есть. Иконы и имена их почитаются относительно, а не по существу; поскольку есть непреходимая разница в природах их. Однако, хотя и относительно, но божественные имена и поклонение присваивать им не только можно, но и должно. Каким образом?

Прежде всего устраняется одно недоумение: одно ли и то же «почитание» и «поклонение»? Св. Феодор Студит отвечает положительно:

– «Власти и славе сродны и неотделимы честь и поклонение. Различием названия они отличаются; по достоинству же имеют равное значение». Иначе, «как может быть почитаемо то, чему вместе с тем не воздается поклонение? .. Дстойный чести достоин и поклоения, дстойный благословения – достоин и славы. Итак, если ты (еретик) откажешь в поклоении изображению первообраза, то очевидно, откажешь и в чести, и в крепости, и в славе... Я, когда слышу слова священника: «Яко подобает Тебе всякая слава, честь и поклонение», понимаю, что честь и поклонение – одинакового порядка и одинакового значения. Равным образом, когда Божественный Василий говорит, что честь изображения переходит к первообразу, он вместе с тем молчаливо, согласно с Блаженным Афанасием, возвестил, что и поклонение изображению переходит к первообразу»⁶⁵.

Это недоумение нужно было устранить потому, что еретики соглашались еще «почитать» иконы, но никак не кланяться им... И действительно, в психологии этих двух состояний есть разница в степени: поклонение – выше «почтенного» отношения. И нужно было с самого начала резко поставить вопрос именно о «поклонении» (что говорит о богоподобной чести), а не о неопределенном лишь «почитании», что

приложимо и к непоклоняемым предметам. Например, сектанты тоже говорят, что они «уважают», даже и «почитают» – в этом смысле – Богородицу или Св. Серафима, напр., но уж поклониться им (даже внешне) не заставишь: тотчас и обнаруживается, как выясняет Св. Феодор, что и истинного почитания тоже нет у них.

Есть различие в поклонении Изображенному Христу и образу Его, по различию и высоте их природ. По природе своей икона, или образ «чужд сущности подлинника»⁶⁶. И это понятно из самого даже термина иконы, подобия, образа:

– «Если всему, что бывает по подобию другого, совершенно не достаёт равенства с первообразом, а в отношении славы оно занимает второе место; то очевидно, что и Христос и Его изображение не тождественны в отношении поклонения».

Прежде мы читали о «тождественности»; но теперь идет вопрос уже о различии в степени; а еретики не делают различия, – и вот возражают:

– «А коль скоро в этом существует различие, то различно и поклонение. Значит (это – все слова еретиков), поклонение иконам есть причина идольского служения»⁶⁷.

Преподобный отвечает: – «Первообраз находится в изображении не по существу», но «по подобию своего бытия»; а посему он соглашается: – «нужно принять, что изображению не достаёт равенства с первообразом, и оно ниже его славы, не по подобию, но по различию сущности» (там же); но далее и сюда вносится дополнительное разъяснение... Это различие высказывается Преподобным везде, где затрагивается вопрос уже о степени почитания. И особенно в этом отношении прославилось его письмо к Афанасию, за которое и получал он упреки в обоготворении икон. Вот что здесь он говорит:

– «Почему, – говоришь ты, – не воздается богочитание иконе Христовой, а – покланяемому на ней Христу, тогда как одно поклонение воздается обоим?» – На это дается ответ: – «Именно потому, что богочитательное поклонение относится к Самому Христу; ибо покланяющийся Ему покланяется вместе Отцу и Святому Духу, – в чем и состоит наше тройческое поклонение и богочитание (ЛАТРИА); а в отношении к иконе оно также поклонение; ибо может ли быть иначе, когда тем, у кого одна держава и одна слава, принадлежит, конечно, одно почитание и одно поклонение? – однако, – относительное, то есть сходственное... И хотя оно – также поклонение; но там оно понимается и называется так в смысле тройческого, то есть естественного, а здесь, наоборот, в смысле относительного, то есть ипостасного... Так[им]

образом в отношении к иконе надобно разуметь и называть «относительное» поклонение, а в отношении к Самому Христу – богопочитательное»⁶⁸.

Некий «Диоген секретарь» запросил его: – «Как должно называть икону и как надлежит поклоняться ей?» – Преподобный отвечает (выписываю сначала о поклонении):

– «Поклонение... – относительное; так как первообраз и образ суть предметы относительные, по выражению Великого Василия; ибо чествование образа восходит к Первообразу. Поклонение – одно в отношении к обоим, не рассекаемое и не разделяемое; но к первообразу оно обращается существенно, как изображению – относительно; равно как и самое созерцание образа там бывает существенно, а здесь по подобию. Итак, поклоняющийся чьему-нибудь образу – или Христа, или Богородицы, или Святого, или просто царя, или начальника, или низшего человека, – поклоняется тому, чей он есть образ; и таким образом, поклоняясь, не заблуждается, но, православно утверждаясь, верно опровергает погрешающих против истины с той и другой стороны» (о двух крайностях – далее речь. М.В.). – «Итак, надобно поклоняться иконе Христовой, – в этом главный предмет речи, – относительно, но не надобно богопочитать ее; ибо естественно это относится к Самому Христу, так как богопочитание единственно принадлежит Троице. И Богородицу не надобно богопочитать, а должно поклоняться Ей; так что все поклонения чрез посредство первообразов их возносятся к одному и единственному богопочитательному поклонению Святой Троице; ибо прочие все суть не богопочитательные, а почитательные поклонения соответственно различию лиц, низшего или высшего»⁶⁹.

Те же мысли проводятся и в письмах к Грамматику: – «Так, почтеннейший, Христос несомненно богопочитается, но досточтимая икона Его не богопочитается... Одно из двух: или богопочитательность ея включается в тройческое богопочитание, что невозможно, так как нельзя делать какого-либо прибавления к Троице, иначе Она окажется четверицею. Или, если не включается туда, но сама по себе есть действительно богопочитательность, то мы допускаем два богопочитания; и в таком случае что иное могут думать о нас язычествующие иконоборцы, как не заключить отсюда, что мы (таким) сугубым богопочитанием почитаем тварь, кроме Творца, и нисколько не уступаем арианам в нечестии»⁷⁰.

Но более ярко высказаны эти мысли в письме к монаху Севериану, который одно время уклонялся «в общение с ересью», а потом раскаялся,

но впал в другую крайность, в богопочитание икон, – опровергая еретика некоего. Обличив его в недостаточности «познания догматической науки, чтобы уметь говорить с точностью», Преподобный затем говорит об относительном почитании икон, а далее – опровергает заблуждение этого инока.

– «Какое еще второе твое предложение? «Христос богопочитается в иконе Своей: поэтому и икона должна быть богопочитаема». – Откуда, или от кого узнав, ты учишь этому? Из святых никто не мог сказать этого; но (говорили они), что Христу поклоняются в иконе Его, и икона достойна поклонения, то есть почтения, или уважения; ...потому что богопочитание, равно как и вера, относится к одной только Святой Троице; а остальное (поклонение, почитание) – и к другим: к Матери Божией, святому Кресту, святым, достопоклоняемой иконе Христовой и всем прочим иконам святым; и притом – настолько, насколько первообразы превосходнее своих изображений. Поэтому если в иконе богопочитается Христос, – как говоришь ты; – то, так как богопочитание относится к Троице, в иконе воздается почитание Отцу и Духу. И что следует отсюда? То, что Отец и Дух воплотились; а этого может ли быть что-либо нечестивее?.. Между тем, кто поклоняется Троице, а потом и иконе, тот не впадает в такую нелепость... Выслушав это, воздержись, брат, увещеваю тебя, от пустословия»⁷¹. – Те же мысли почти буквально повторяются в письме к Фомаиде⁷²...

Таковыми рассуждениями устраняются две равно-опасных крайности: иудействующее иконоборчество и языческое обоготворение твари, идолопоклонство: те, «которые отвергают поклонение досточтимым иконам», и те, «которые при поклонении говорят, что они существенно поклоняются самим первообразам; и те, и другие из них равно богохульствуют: первые, как отвергающие таинство домостроительства, а вторые, как обоготворяющие или придающие существенность тому, что по существу далеко отстоит от первообразов»⁷³.

Итак, «икона Его (Христа) не только достопочтима, – подобно как называются достопочитаемыми бывшие в законе знамения и предначертания, – но и достопоклоняема, как Его икона, так и – всякого святого; ибо несомненно, что достопочитаемое каждый назовет и достопоклоняемым», но не богопочитаемым⁷⁴.

Перейдем к последнему вопросу: об отношении имен к иконам и о почитании и первых.

Вследствие нераздельной, хотя и производной, относительной связи икон с изображенными лицами, вполне уже понятно будет, что и

именование, как и поклонение, будет неразрывно соединено с первообразами.

– «Всякая икона, – говорит Св. Феодор, – называется одним именем с своим первообразом», – что и доказывается потом ссылками на слова Св. Григория Нисского и на Антиохийский собор⁷⁵.

– «Таково по природе соотношение первообразного и производного, что производное, то есть образ, называется именем первообраза. При отрицании одного отрицается и другое, ибо они существуют во взаимной связи... В одних случаях они называются «образами» того, что изображают; а в других, в силу соотношения, называются именем первообраза, а не изображением его... В образе является первообраз... поскольку в почитании одно от другого не различаются. Поэтому изображение носит имя первообраза, ибо и образ Креста называется Крестом. Так же мы вправе говорить и в приложении к Царю и ко всякому человеку и всякому виду (существующего). Божественный Василий говорит, что царем называется изображение царя и Петром – изображение Петра. Я скажу и нечто высшее: и человек есть Бог, как образ Божий»⁷⁶.

И еще: – «Так как в поклонении одно от другого нераздельно, то поэтому икона и носит название первообраза». «Икона Христа, равно, как и Богородицы, тем же именем называется, как и Христос и Богородица», «и Петром – икона Петра, и Павлом – икона Павла»⁷⁷.

Мы многократно и ранее видели, как икона Христа называлась постоянно «Самим Христом»... Но, – говорит Св. Феодор Студит, это перенесение имени первообраза на образ все же не означает тождества в именах. И понятно: поскольку (как выяснилось ранее в этой главе) поклонение Христу и иконе Его не равное (первое богопочитательное, второе – относительное), то и имена не могут быть употребляемы в одном смысле всецело тождественно. Ведь, всякое «имя есть имя того, что им называется»⁷⁸; а так как в иконах есть Первообраз и образ, по природе различные, то следовательно и именованья в конце концов не могут вполне сливаться. Именно: если икона и называется по изображенному лицу, то в смысле «производном». Так и говорит Святой Феодор: – «Собственно икона Христова называется ИКОНОЮ Его, а не собственно она называется Христом»⁷⁹. – «Икона Христова называется Христом не в собственном, а переносном смысле»⁸⁰.

Но хотя бы и в не собственном смысле, но все же именуется икона Христом. А причина этого заключается во всем существе иконопочитания: почитается, ведь, не вещество, не краски, а Изображенный Христос, Который относительно связан с образом Своим: почему честь как

восходит от образа, так и нисходит на него (как писалось выше) от Первообраза.

А если – именуется, то и почитается, как и наоборот.

И у Св. Феодора есть прямой ответ о почитании имени. Как мы говорили прежде, иконоборцы, из лже-спиритуалистических (в сущности, рационалистических маловерных, ибо истинная вера не боится реализма, «образности» своей) настроений своих скорее готовы были поклоняться именам, Писанию, словам, – чем «конкретным» иконам: последнее казалось им – грубостью, а для Бога «безчестием». А так как на иконах были всегда надписи изображенных, то и явился вопрос:

– «Следует ли... поклоняться надписи или только изображению, название которого написано? И во всяком случае – одному из них, а не двум, и чему именно?» На это «православный» отвечает так:

– «Этот вопрос подобен тому, как если бы кто спросил: следует ли поклоняться Евангелию или наименованию на нем, – образу Креста или тому, что на нем написано? Я прибавил бы относительно людей, (следует ли почитать) известного человека или – имя его, – например, Павла и Петра, и каждого из отдельных предметов одного и того же рода? Разве это не неразумно, чтобы не сказать – смешно? И что из видимого глазами лишено имени? И каким образом может быть отделено то, что названо известным именем, от своего собственного наименования, чтобы одному из них мы воздавали поклонение, а другое лишали (его)? Эти вещи предполагают друг друга: имя есть имя того, что им называется, и КАК БЫ НЕКОТОРЫЙ ЕСТЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ ПРЕДМЕТА. КОТОРЫЙ НОСИТ ЭТО ИМЯ: в НИХ ЕДИНСТВО ПОКЛОНЕНИЯ НЕРАЗДЕЛЬНО»⁸¹.

Каким образом? К иконам мы уже привыкли, что они суть «образы» Тех, о Коих говорится. А имена? а слова? – На это отвечает Св. Феодор словами Св. Василия Великого: – «Что повествовательное слово передает через слух, то живопись показывает молча чрез подражание»⁸²...

– «Он (Христос) нигде не повелел начертать даже краткое слово; однако, Его образ начертан апостолами (в писании их) и сохраняется до настоящего времени: что там изображено посредством бумаги и чернил, то на иконе изображается посредством различных красок или (посредством) какого-либо другого материала. Что представляет слово истории, это чрез подражание изображает молчаливая живопись, – как говорит Василий Великий. Поэтому мы научены изображать не только то, что подлежит ощущению, осязанию и цвету, но и все то, что чрез созерцание разума обнимается мыслию»⁸³.

– «Таким образом, и в иконе, и в Евангелии, и в Кресте, и во всяком

другом священном предмете БОГ является поклоняемым в духе и истине; материальное устраняется вследствие возвышения ума к Богу»⁸⁴.

Итак, Св. Феодор уравнивает и иконы и писания священныя. А отсюда – дальнейший вывод: если в образах «присутствует» первообраз, то равным образом и в слове – Слово. И это не только вывод, но и его собственное свидетельство. Хваля Иоанна Спафария за употребление иконы Св. Вмч. Димитрия вместо восприемника и ублажая его веру, он выразился так, сравнивая его с евангельским сотником, просившим только сказать слово, и «исцеляет отрок мой».

– «Тот нашел, чего искал, и ты получил, что надеялся получить. Там Божественное повеление – вместо телесного присутствия, а здесь телесное изображение – вместо первообраза (Св. Димитрия). ТАМ СЛОВУ было ПРИСУЩЕ ВЕЛИКОЕ СЛОВО, Божеством невидимо совершившее чудо исцеления; и здесь великомученик присущ был духом своему изображению». –

Наконец – вот и о имени Иисус: оно совсем не простое имя, обычное.

– «Перейдем... к созерцанию обрезания, – говорит Св. Феодор в слове «В навечерие светов», – также не чуждому богословия для размышляющих. Ибо для всякого ясно, что данное новорожденному Младенцу, согласно предсказанию Ангела, ИМЯ ИИСУС, имеющее значение Спасителя, есть показатель Его БОЖЕСТВЕННОЙ ПРИРОДЫ», – или, выражаясь только что выясненным сравнением, «образ» Его. – «И пусть, продолжает Преподобный, – никто из богоборцев не пустословит, говоря, будто оно, как сходное с именем Иисуса Навина, дано не Богу Слову, но человеку, имевшему сходство с тем (Навином). Ибо хотя многие называются «господами», но они не по природе таковы; равно как и богами называются, но также не по природе: по природе только один Господь и один Бог истинный. ПОДОБНО СЕМУ И МНОГИЕ НОСЯТ ИМЯ ИИСУС, но Один Спаситель всех – ИИСУС ХРИСТОС»⁸⁵.

А отсюда уже совсем очевидно, что как показатель (образ) Божественной природы Иисуса Христа имя Его должно быть чтимо и поклоняемо, – уже никак не менее, чем святые иконы.

Сие – об именах. И – конец слабым нашим усилиям кое-что выбрать из творений Святого Феодора Студита по вопросу об иконах и сроднаго ему предмета – об именах Божиих. – Может быть, что-либо и отсюда можно заимствовать полезного?! Теперь остается сделать заключение. Оно будет частью подводить итоги, а отчасти проводить параллель между иконами и именами.

Заключение

Обозревши, по возможности, учение Преподобного о почитании икон, как нераздельно связанном с почитанием Первообразов, мы сравнительно мало нашли материала о том, что же такое «причастие»? Как именно присутствует Первообраз в образе? Только в некоторых словах находили мы ответ: «силою», «крепостью», «славою» и т.п... А прямо сказано было всего лишь однажды: «БЛАГОДАТИЮ». Подобное же определение мы видим в словах о кресте:

– «На нем пострадало безстрастное Слово, Которого сила такова, что даже Его тенью (то есть образами Животворящего Креста Первого. М.В.) сожигается демонское полчище и далеко убегает от тех, которые запечатлены им» (крестным знамением)⁸⁶. «Если такова сила в образе Креста, то... какова... сила... Распятого на нем»⁸⁷.

А в неделю крестопоклонную он выражается так:

– «Образ» Христов, подобно образу Креста, столько же удостаивается одного и того же поклонения с своим Первообразным, – сколько и имя»⁸⁸. А о Кресте ниже говорится: – «БЛАГОДАТЬ И СЛАВА КРЕСТА – всех предметов украшение наиприятнейшее... ИМЯ КРЕСТА – ОСВЯЩЕНИЕ, особенно УСТАМИ ПРОИЗНОСИМОЕ и УШАМИ СЛЫШИМОЕ... Изображающий на себе Крест прогоняет страх и возвращает мир. Охраняемый Крестом не делается добычею врагов, но остается невредимым» (С.97–98). – Имя – суть, сила: освящение. А освящает все БЛАГОДАТЬ.

Таким образом, и отсюда можно сделать тот же самый вывод, какой мы видели и ранее, в докладах об имеславии: ИКОНЫ – СИЛЬНЫ БЛАГОДАТИЮ, ПРИСУЩЕЮ ИМ.

Но подробное раскрытие этого вопроса не составляло задачу Св. Феодора, так как ему нужно было отстоять хотя бы вообще иконопочитание, не вдаваясь в дальнейшее углубление. Это позднее вскрывалось отчасти в учении Св. Симеона Нового Богослова; а впоследствии, можно думать, к этому же вопросу подводился фундамент в учении Св. Григория Паламы об энергиях Божественных. Но нам важна суть, или как мы привыкли говорить: факт. Он дан: образ – в первообразе и первообраз – в образе. И совершенно очевидно, что иконы никоим образом не простые полезные картины, напоминающие о Боге и пр., а сочетаны с Богом: и потому именно достопоклоняемы, а поклонение это восходит к Тому, Кто в них присутствует: «Единому и Единственному» Богу. Потому

и поклонение иконам, хотя и не одинаковое со Христом и вообще изображаемыми, но одно; «ибо образ тождествен с первообразом по чести и поклонению»⁸⁹.

– «Таков истинный смысл нашего православного иконопочитания»⁹⁰.

В заключение всех многообразных и пространных суждений Святого Феодора Студита приведем его как бы «анафематизмы», в коих кратко подводится итог всем основным положениям: они, как и подобает, кратки, ясны и сильны.

– «Итак, кто не исповедует, что Господь наш Иисус Христос, пришедший во плоти, плотию описуем, по Божественной же природе остается неопишуемым, тот – еретик.

Если кто станет утверждать, что описуемо и Божество вследствие того, что описуема плоть Слова, и в то же время не будет в одной ипостаси различать того и другого по природному свойству, тогда как на самом деле одно не уничтожает другого в нераздельном единстве, тот – еретик.

Если кто описание телесного вида Слова не называет изображением Христа, или Христом, по одинаковому наименованию, но называет идолом заблуждения, тот – еретик.

Если кто поклонение Христу, относящееся к изображению Его вида, дерзко называет поклонением идолам, а не Самому Христу, тогда как, по свидетельству Василия Великого, слава Первообраза – неотделима от подобия, тот – еретик.

Если кто станет говорить, что достаточно одного только изображения Христа, – причем ни почитает его, ни безчестит, как отвергающий относящееся к Его почитанию поклонение, тот – еретик.

Если кто запрещения Священного Писания, относящиеся к идолам, приводит и применяет к священному изображению Христа и, вследствие этого, называет Церковь Христову языческим храмом, тот – еретик.

Если, кто, поклоняясь изображению Христа, говорит, что он в нем поклоняется Божеству по природе, а не постольку, поскольку оно есть тень соединенной с Божеством плоти, хотя Божество и везде присутствует, тот – еретик.

Если кто возведение к первообразам чрез священные изображения считает низменным, так как он, будто бы и без этих изображений, посредством слуха возводится к созерцанию Первообраза, и молчаливое живописное изображение не считает равным словесному повествованию, как (признает) Василий Великий, тот – еретик.

Если кто отрицает, что изображение Христа, в частности то, которое напечатлевается на Кресте, должно начертываться и показываться во

всяком месте во спасение народу Божию, тот – еретик.

Если кто иконам Богородицы и всех святых не воздает должного поклонения, (иконе) Богородицы, как – Богородицы (нужно думать, следует написать: «БогородицЕ, в дательном падеже; ср. 3 и 4 п.; «Христом», «Самому Христу». М.В.), изображению святых, как – святых (-ым), по различию поклонения Матери Божией и сорабам, но называет спасительное украшение Церкви идольским изобретением, тот – еретик.

Если кто не ставит наряду с другими ересями ту ересь, которая неистовствует против священных изображений, тогда как она одинаково отлучает от Бога, но говорит, что общение с такими людьми безразлично, тот – еретик.

Если кто, преувеличивая честь иконы Христовой, говорит, что не следует и приступать к ней, ибо она не приносит пользы тому, кто предварительно не очищен от всякого греха, – тот – неразумен»⁹¹.

Это суть выводы из его основного сочинения против еретиков: «Первое опровержение иконоборцов»⁹².

И вообще, Преподобный Феодор смотрел на эту ересь очень строго. В одном письме к высокому сановнику (логофету) Пантолеону он выразился так:

– «Нет ни одной ереси из зарождающихся в Церкви хуже этой иконоборческой ереси»⁹³.

В письме к заключенным в темницах пишет: – «О братья, – в этом роде лукавом и развращенном, будем, как светила, сияющие во тьме ереси; ибо Христос избрал нас в торжество Свое, во славу Православия, дабы, как для нас древние, так и мы для последующих (поколений) оказались утверждением и примером, и в день пришествия Христова ликовали. Наше мученичество более явно, чем мученичество древних. Ведь, дело идет не о природах или волях во Христе, или о спорных вопросах в этом роде, отрицание которых, будучи чисто отвлеченным, не дает осязательных последствий. Ныне же предмет спора или нечестия не только отвлечен (с одной стороны, М.В.), но и очевиден (с другой); ибо наши противники не только говорят и превратно учат, что Христос, Богородица и все святые неизобразимы, но и уничтожают их изображения, называя божественные образы заблуждением и погибелью для души. О, иудейское и языческое противоречивое нечестие! Вообще, явление, о котором идет речь, есть не что иное, как один из измененных видов (иудейства или язычества)... Иконоборцы поистине иудеят; а страдающий за иконы страдает за и ради Христа, Богородицы и всех святых... Будьте (братья) осторожны к себе в предстоящем подвиге. Да не возгорится в вас пламя помышлений

из-за недостаточности разумения смысла событий, с глубокою мудростию руководимых Промышленном, почему они и недоступны человеческому разуму... Внимайте словам Господа: – «потерпи мене... в день воскресения моего» (Соф. 3, 8); «претерпевый до конца, той спасен будет» (Мф.10:22)⁹⁴.

Наконец: – «Так оказывается, что иконоборцы в своих верованиях впадают в иудейство и являются предтечами антихриста»⁹⁵.

В заключение можно было бы провести параллель между иконопочитанием и имеславием более подробно. Но опасаясь впасть в некоторую искусственность; пусть это делается людьми более меня объективными и основательными.

Я же с своей стороны, наоборот, укажу некоторые данные, которые говорят против крайних имеславцев, имебожников.

А). Святой Феодор предупреждает – не впадать в противоположные крайности: как отрицать почитание и поклонение иконам, так равно и преувеличивать это до недопустимых границ: не только – до обоготворения икон, но и до «богопочитания» их. – Подобным образом, полагаю, в вопросе об имеславии, должно почитать и поклоняться именам Божиим, но тоже – не обоготворять их, ни «богопочитать» их.

Б). Если и иконы нельзя называть именами изображенных (Христом и пр.) по природе, по существу. – а лишь относительно, по подобию и по связи с Первообразом, – то и имена никак нельзя называть «БОГОМ ПО СУЩЕСТВУ».

В). Если Божество, по природе Своей, по существу Своему, никак не может, даже во Христе воплотившемся, быть описанным и изображенным, – будучи совершенно выше всякого описания и изображения; то и в именах не может быть выражено Божество вполне и совершенно, а по существу – никак: Бог не может пребывать в имени Своем существом Своим.

Об этом следует привести несколько изречений Преподобного:

– «К тому, что Божество необъятно и неописуемо, я присоединю, что оно – и безпредельно, безгранично и не имеет внешнего образа; и вообще, здесь можно присоединить все то, что, как всякому ясно, получается путем отрицания того, что Оно НЕ есть»⁹⁶.

Это – метод так называемого «апофатического», «отрицательного» богословия, – известный всякому богослову с самой древности. А отсюда другой вывод:

– «Согласно учению Богословия, не только следует избегать изыскивать способ описания или понимания (Божества), – это –

изобретение еллинского измышления, – но мы не знаем даже, КАК Бог существует или ЧТО Он есть, так как Он знает о Себе только Сам» (120).

– «Совершенно неопишимо одно только Божество; Оно – непостижимо мыслью, и изъяснение Его природы не может быть воспринято слухом; отсюда невозможно и Его изображение и описание» (127).

В частности, непостижимо и соединение Божества и человечества во Христе:

– «Когда же Единый из Троицы, по неизреченной благости Своей, низшел в человеческую природу, соделавшись подобным нам; то совершилось соединение несоединимого, смешение того что не смешивается, неопишемого с опишемым, неограниченного с ограниченным, безконечного с конечным, неимеющего (наружного) образа с имеющим наружный образ. ВСЕ ЭТО НЕОБЫЧАЙНО (120).

В письме «К Феодору монаху» он пишет так:

– «Я просил твое благочестие, чтобы ты, оставив похвалы мне, более молился, чтобы мне как нибудь не уклониться от Бога; а ты, – не знаю, по какому побуждению, – высказал еще больше похвальных слов. Не так, отец, не так. Разве ты не знаешь, что я, несчастный, грешнее всех людей? Я даже не знаю, как я, по милости Божией, удостоился продолжать жизнь под Его покровом! Зная это, лучше оплакивай меня, отец... Впрочем, об этом довольно». Затем он отвечает на вопросы того. «Чествование образа переходит к первообразу»; это справедливо по отношению и к естественному образу, и к художественному; ибо «восхождение» означает не что иное, как то, что одинаковая честь принадлежит (первообразу) и художественным (образам) с различием по существу, а естественным (то есть, – одинакового естества, природы, существа, как Отец и Сын. М. В.) – одинаковая и по существу... Естественный образ Бога и Отца есть Сын; а художественный (то есть, сотворенный, созданный, – как есть «творения» художников. М.В.) образ Сына, равно как и Отца, – мы, т.е. творческий; ибо Творцом и художником всего называется Бог. А у Святого Василия понимаются художественные изображения, написанные на досках; и (в этом отношении) надобно принимать за одно и то же нас, созданных по образу Божию, и – образ, искусственно сделанный нами на доске. И наш вид на этом изображении по подобию имеет гораздо ближайшее сходство с нами, равно, как и Христов с Ним, чем наш образ – с Богом; потому что расстояние между Богом и людьми беспредельно; ибо Он – не создан, непостижим, неопишем, и тому подобное (добавим: и неизреченен, неименуем по существу. М.В.), а люди – тварь, тело, опишимо»⁹⁷.

Из всего этого нужно сделать вывод: Бог не может быть выражен ни в каком слове, или имени по существу, как сущий выше всякого имени и бытия⁹⁸. Если же и употребляются где подобные изречения (как в одном и не более чем в двух местах выразился о. Иоанн Кронштадтский, – как мы видели это⁹⁹, – то данные выражения употреблены не в строгом богословском смысле; но вместе с тем отмечают истинную мысль о том, что в имени Божиим пребывает, с именем Своим присутствует САМ Бог, истинно, реально; а по нераздельности Его Существа от Благодати, для обычного и простого нашего верования (а не богословски, и не точно в Божественном порядке) и говорится, что Бог САМ, «Существом» присутствует с именем Своим; но – точно, так выражаться не следует. Да и мы в молитвах своих никогда не разделяем Бога по Существом от присутствия и действия Его по благодати... Это даже и выше всякого разума... И не следует делать, а просто – верить, что Бог САМ – с нами, – или как о. Иоанн еще говорил: «ВЕСЬ»... – «Впрочем, – скажем и мы, – о сем довольно».

Наконец, маленькая поправка. В одном из предыдущих докладов я по памяти где-то сослался на слова Св. Феодора Студита, будто он употребил предлог «С» (СИН) в приложении к иконам... Кажется, я там сослался не правильно, или не точно. В самом деле у него написано следующее об этом¹⁰⁰:

– «Любезный, прекрасным мне кажется правило, чтобы по отношению к блаженной и покланяемой Троице употреблялся предлог «СИН» (вместе). Ибо «син», указывая на различие ипостасей, отмечает единство естества... В отношении же к поклонению Христу и иконе Его неуместно употребление предлога «СИН»; иначе он, разделяя одну ипостась на две ипостаси, последовательно привел бы нас к нечестивому обоготворению твари. Поэтому справедливо принята относительность (антонима), которая, сохраняя единство ипостаси у обоих, указывает на различие естества... Ибо и по философскому учению мы знаем, что одноименные (омонима) предметы суть те, у которых только название общее, а сущность за названием – различна, как например: Сам Христос и (Христос) изображенный».

Я же употреблял этот предлог в ином толковании.

Господи Душе Истины, сподоби мя пребывать до века в Православной истине.

Митрополит Вениамин. 1938. 1225 X (*Канун св. мч. Вениамина*).

Примечания

¹ - Т.2, ст.248–249, Пис.25. Цитируем и в дальнейшем по изд.СПБ. Д. Академии 1907–1908 г. Том 1 и 2. Сначала мы будем указывать и томы и страницы; а далее, для сокращения, будем отмечать только номера писем, как они приведены в указанном издании Академии. Да будет хвала ей во веки за издание Св. Отцев! И труженикам по переводу!

² - Пис.145, Т.2,589–590

³ - Пис.213, Т.2,618–619

⁴ - П.218

⁵ - Пис.1

⁶ - П.110

⁷ - П.171

⁸ - Пис.2

⁹ - Пис.106

¹⁰ - Пис.12, Подобно и к Иерусалимскому Патриарху, Пис.15

¹¹ - Пис.173

¹² - П.151

¹³ - П.65

¹⁴ - Малое оглашение, 15. Т.1,258

¹⁵ - «Первое опровержение иконоборцев», Т.1,132

¹⁶ - Письмо к Императорам Михаилу и Феофилу, 200

¹⁷ - П.166

¹⁸ - Пис.195

¹⁹ - Пис. к Феофану монаху, впоследствии архиепископу

Тавроменийскому, на острове Сицилии, церковному писателю. Пис.191

²⁰ - Св. Феодор, на основании гонений в самой Церкви веровал, что пришествие Христово – близко; об этом он говорит в нескольких местах: 2 т. 356,444 ст. и друг. М.В.

²¹ - Т.1,132

²² - Т.1, 136

²³ - Т.2, Пис.8

²⁴ - Т.1, 209–215

²⁵ - П.191

²⁶ - Т.1,210–212

- 27 - Т.2,603
28 - Т.1,141–142
29 - Т.1,156–157
30 - П.36, К Навкратию
31 - П.49, К отцам гонимым
32 - Т.1,193
33 - П.12
34 - Т.2. Слово о Кресте, 94–98
35 - К Амфилохию, О Святом Духе, гл.18
36 - П. 17
37 - Т.1, ст.142, с примечанием
38 - Т.1, Малое оглашение, 15
39 - П. 279
40 - Т.2,97
41 - Т.2,363
42 - Т.1,144
43 - Т.1,124,133,138,179 и пр.; Т.2,363,712,811–812 и т.д.
44 - О церковной иерархии, гл.4
45 - П.36, К Навкратию
46 - П.110. Полагаю, что последнее слово нужно было бы перевести несколько иначе. Но греческого слова не имею... А данное понятие дает намек на то, что будто вне нашего «представления» нет даже «образа Христова», – что неистинно. М.В.
- 47 - Т.1, 129
48 - Т.1, 128
49 - Т.1, 230
50 - Т.1, 132, 133, 136, 138, 139 и пр; Т.2, 334, 345, 422, 712 и т.д.
51 - Т.2, 405
52 - Т.1,179–180
53 - Т.1, 127
54 - Т.1, 128
55 - Т.1,128
56 - Т.2, П.65
57 - Т.2, П.218
58 - Т.1,124–125

- 59 - П.200 К Императорам
- 60 - П.195
- 61 - Т. 1, 125
- 62 - Т.1,222–224
- 63 - Т.2, П.161
- 64 - Т.1,128
- 65 - Т.1,146–147
- 66 - Т.1,177
- 67 - Т.1,179
- 68 - П.85
- 69 - П.147
- 70 - П.213
- 71 - П.151
- 72 - 218
- 73 - П.167, Диогену
- 74 - П.200, К Императорам
- 75 - Т.2,603
- 76 - Т.2,811–812
- 77 - Т.2, П.21 «К братьям, содержимым в темницах»
- 78 - Т.1,127
- 79 - П.147: К Диогену, на его вопрос
- 80 - П.161, К Никите Спафарию
- 81 - Т.1,129
- 82 - Т.2,382, Беседа о 40 мучениках
- 83 - Т.1,126
- 84 - Т.1,129
- 85 - Т.2,99–100
- 86 - Т.1,130
- 87 - 96
- 88 - Т.2,97
- 89 - Т.2,399
- 90 - Т. 2,712
- 91 - Т.1, 132–133
- 92 - стр.119–133

- 93 - П.82
94 - Т.2, 811–813
95 - с.694
96 - Т.1,120
97 - П.84; Т.2, 444–445
98 - Ср. Иоанна Дамаскина
99 - см. доклад о нем, главу о Благодати
100 - «К Иоанну Грамматику, П.195

Содержание

Учение преподобного Феодора Студита о почитании Креста Господня и Святых Икон	1
Введение	2
Глава 1-я. Сила Креста и святых икон	19
Глава 2-я. Образ и первообраз – «Один в другом»	24
Глава 3-я: Природа и Причастие	27
Глава 4-я. Богопочитание икон и именованье их	33
Заключение	40
Примечания	46